

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
им. Х. С. СУЛЕЙМАНОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

ХАФИЗ ХОРЕЗМИ
ИЗБРАННОЕ

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1981

Редколлегия: Джаббаров Д. Д., Каюмов А. П.,
Пармузин Б. С., Расулев Х. Р., Рустамов А. Р.,
Шагулямов И. Ш., Шамухамедов Ш. М., Мухта-
рова Х., Абдурахманов Ф. А.

Перевел Сергей Иванов

*Узбекский поэт Хафиз Хорезми (конец XIV — на-
чало XV вв.) является автором многих лирических
стихов.*

*До последнего времени его творчество не было
известно. Перевод на русский язык сделан впервые.*

Подготовил к изданию Хамид Сулейман

Редактор Борис Пармузин

ХАФИЗ ХОРЕЗМИ

Замечательный узбекский поэт, создававший стихи на родном языке под псевдонимом «Хафиз» и являвшийся современником знаменитого Хафиза Ширази, стал известен лишь недавно.

Абдулрахим Хафиз Хорезми жил во второй половине XIV — первой половине XV вв., когда в литературе Средней Азии господствующее положение занимал персидско-таджикский язык.

Поэтическое наследие Хафиза Хорезми открывает новую страницу в истории узбекской классической литературы. находка неизвестного ранее дивана стихов поэта была самым внушительным результатом второй археографической экспедиции Государственного литературного музея им. Алишера Навои АН УзССР в Индию.

В хранилище музея Саларджанг в г. Хайдарабаде из 8122 рукописей только 27 написаны на тюркском языке. Рукопись, хранящаяся под инвентарным № 4298, оказалась сборником стихотворений — «Диваном» доселе неизвестного узбекского поэта Хафиза из Хорезма. При помощи индийских коллег нам удалось приобрести фотокопию «Дивана». Она хранится в Институте рукописей АН УзССР, который создан на базе бывшего музея. Точно датировать эту рукопись трудно, так как в ней отсутствует несколько последних страниц. Судя по ее палеографическим особенностям, она, несомненно, относится к XV в. В каталогах, историко-литературных сочинениях, изданных в СССР и за рубежом, отсутствуют какие-либо сведения о Хафизе из Хорезма. О его творчестве пока можно судить лишь по единственному, но достоверному факту — существованию «Дивана».

Настоящее имя Хафиза Хорезми устанавливается по семи газелям на персидско-таджикском языке за подписью «Рахим» или «Абдуррахим». Вероятно, стихи подписаны именем молодого поэта, еще не избравшего себе псевдонима.

Будучи патриотом и горячим поборником родного языка и литературы, поэт хотел в своих стихах стать достойным преемником великого Хафиза Ширази, дать своему народу литературу на родном языке.

Ты петь Хафиза попроси лишь на наречье тюрок, —
Хафиз Ширазский на фарси пропел иное слово!

Только зрелый мастер мог осмелиться сопоставлять свое творчество с творчеством Хафиза Ширази.

Хафиз Хорезми, как и персидско-таджикский поэт Хафиз, большую часть жизни провел в Ширазе. Прогрессивный характер мировоззрения обоих поэтов, их философские взгляды и гуманистические устремления, их творческий метод и высокое мастерство свидетельствуют, что они жили и творили в одну эпоху, в одинаковой общественно-политической и культурной среде. Можно утверждать, что Хафиз Хорезми впервые в литературе создал условия для развития поэтических традиций Хафиза Ширази уже на узбекской почве и проявил себя как художник, существенно обогативший жанр газели.

Рукопись «Дивана» Хафиза Хорезми, найденная в г. Хайдарабаде, состоит из 586 страниц. Она, судя по почерку, бумаге и чернилам, была написана в Ширазе в первой четверти XV в. и содержит 9 касыд, 3 тарджибанда, 1 таркиббанд, 1 мухаммас, 1 марсия, 1052 газели, 2 мустазада, 31 кыт'а, 12 рубан. В целом поэтическое наследие Хафиза Хорезми насчитывает 18632 бейта.

Хафиз Хорезми является, наряду с Лутфи, Атаи и Саикки, представителем светской поэзии. Разумеется, как и большинство поэтов того времени, Хафиз был связан с идеологией суфизма. Однако он примыкал к прогрессивному пантеистическому направлению суфийского учения и являлся, как Хафиз Ширази, Абдуррахман Джами и Алишер Навои, поборником человеколюбивых и просветительских тенденций. Он не был мистиком. Во многих газелях поэт с уваженьем упоминает Мансура Халладжа, убитого за свои крамольные взгляды мусульманским духовенством. Стихи Хафиза Хорезми воспевают человеческое счастье, стремление человека к свободе.

В художественном отношении стихотворения Хафиза Хорезми, особенно газели, являются лучшими образцами узбекской поэзии ее раннего периода. Образы и рифмы Хафиза Хорезми свидетельствуют о высоком мастерстве поэта. Язык его прост, близок к народному, встречаются и диалектизмы. Народность — отличительная черта поэзии Хафиза Хорезми.

Х. Сулейман

ГАЗЕЛИ

* * *

С рабом своим верным ты стала другою,—
Зачем? Ты бывала, бывало, другою!

Два бедствия злых — твои очи и кудри:
Одно из них — кара, опала — другое.

Сравню ли уста твои с сахаром-медом?
Устам медоносным пристало другое!

Краса твоих глаз скрыта томным покровом,—
Краса их — одно, покрывало — другое.

Стезя тех, кто любит,— сродни ли базару?
Муж чести — одно, а меняла — другое!

И как же равнять бытие и погибель?
Одно дело — розы, их жала — другое!

Узнай же, Хафиз, где вражда и где дружба:
Подобья с одним избежало другое!

* * *

Уж не я ли просил: О, не мучай, молю,
Не лишай же меня неги жгучей, молю.

Жду я неги твоей — о, прошу, пожалей,
Не лукавь же, услышь стон горячий, молю.

Не заставь меня друга другого искать —
Не умножь моих бед-злополучий, молю.

А случится тебе мучить верных в любви,—
Да минует меня этот случай, молю.

Если хочешь сокрыть тайну сердца от всех,
Удержи гнев свой злобно-колючий, молю.

Я влюблен,— ты, смотри, на других не гляди
И не будь мне бедой неминучей, молю.

Нет, ты больше Хафизу об этом не пой
И не мучь его ладом созвучий, молю!

* * *

В кромешной тьме твоих кудрей скрывается
светило,
И мускус родинкой твоей навеки посрамило!

С тех пор, как завитки волос чело твое сокрыли,
И гиацинт, и кущи роз в тоске горят уныло.

Я до кудрей твоих рукой коснулся б непременно,
Когда бы мрак их колдовской ты гребнем
не взвихрила.

Когда бы ты, как жизни бег, мгновенно
не мелькнула,
Мне был бы благоден мой век — живящей жизни
сила.

Расстался б я с душой моей, когда б ее взяла ты,—
Нужна ль душа мне, если с ней тебе дружить
не мило?

Красавиц дивной красоты я повидал немало,
Но привередливых, как ты, мне зренья не явило.

Едва увижу я твой лик — и слезы иссякают:
Завеса звезд затмится вмиг, едва взойдет светило.

И, если я стенаю, слаб, в разлуке, — не стыдите:
Шипит, стеная, и кебаб от огненного пыла!

И ждет Хафиз с тобою встреч, рыдая безутешно, —
Не может быть, чтоб его речь людей не удивила!

* * *

Сняв покрывало, ты явила лик —
И солнце стало словно жалкий блик.

Узрев твое чело в венце кудрей,
Все благовонья сникли в тот же миг.

От одного лишь взора твоего
Хмельны в михрабе сонмы горемык.

Твой взор не дарит мне язвящих стрел, —
О, почему же гнев твой столь велик?

Не в радость мне ни жизнь, ни целый свет, —
В огне страданий я гореть привык.

Что жаркий стон мой сердцу твоему?
А плавит камни мой безгласный крик!

С любимой ты не знал, Хафиз, бесед —
Ты милости, хоть малой, не достиг!

* * *

Смятенный тьмой кудрей твоих, с безумием знаком
я стал,

Молвой ославлен, плох и лих во мнении людском
я стал.

Но тайный смысл любви познав, стезею верности
я шел:
Всю жизнь свою любви отдав, любовью сам иском
я стал.

Со сворою твоих собак, отверженный, стал
дружен я,
Меня презрели друг и враг — всем людям чужаком
я стал.

Разлукой не сожжен дотла, я жизнь тебе отдать
готов —
На пламень твоего чела стремиться мотыльком
я стал.

Взгляни: судьба моя нища — безвестный, я прошел
весь мир,
И, клад красоты твоей ища, в пустынный дол влеком
я стал.

Взгляни и милость мне яви: нырнув в пучину
моих слез,
Жемчужиной в морях любви сверкать на дне
морском я стал.

Ища от муки забытья, вдаль от любимой я бежал,
С Хафизом подружился я, и с ним страдать тайком
я стал.

* * *

Живой родник — твои уста и слаще всех отрад,
Моим рыданьям не чета и Нил, и сам Евфрат.

О лукобровая, я грудь для стрел твоих открыл, —
И стрелы, не щадя ничуть, меня да поразят!

Ах, сокол сердца моего — в силке твоих кудрей,
И нет спасенья для него: он ими крепко сжат.

Медвяных уст твоих краса — как будто сам Иса:
Они свершают чудеса, едва заговорят.

Все сласти потеряли вкус и дешевы ценой:
Нектар твоих сладчайших уст — прекрасней всех
улад.

И даже солнцу тяжело соперничать с тобой:
Твое зеркальное чело светлей его стократ.

И если для своих щедрот ты ищешь бедняка,
Вот он — Хафиз: бедняга ждет даяний и наград.

* * *

Твои уста — живой родник, они — любви исток,
И, словно Хызр, к нему приник твой мускусный
пушок.

Все сласти, видно, неспроста к тебе приветно
льнут:
Сладчайший мед — твои уста, и сладостен твой
слог.

О диво сладкоустых чар! От щедрости своей
Ты поцелуй дервишу в дар дала бы хоть разок!

По сладкоречию с тобой среди тюрок равных нет:
С тобой никто из них — любой сравниться бы
не смог.

Не шли мне стрел твоих обид и душу пощади,—
Стреляй мне в грудь,— она мой щит: я душу бы
сберег.

Что ж о кудрях твоих я мнил писать в ночи разлук?
Увы, черней самих чернил в них каждый завиток!

Едва ты написал, Хафиз, про кольца тех кудрей,
На свитке жизни улеглись извивы дивных строк.

* * *

Красуясь стройным станом, едва ты выйдешь
в сад —
И смутой и дурманом тогда весь мир объят.

В кружение людское ты бросишь томный взор —
И всех лишит покоя твой искрометный взгляд.

Святоша своенравный! Я сердцем — не с тобой:
Ты — муж стези исправной, мой путь —
стезя утрат.

Познает в рай дорогу лишь тот, кто, одержим,
К заветному порогу идти скитальцем рад.

Подвижник, не вкусивший заветного вина, —
Раб мук, его сгубивших, влюбленным не собрат.

Меня да не измучит властитель всех времен,
Не то его проучат страдания стократ.

Пусть на Хафиза глянет мучитель мой хоть раз, —
Всею сразу ясно станет: он добротой богат.

* * *

Увидев дивных уст рубин, я стал к вину
пристрастным,
А взгляд твой встретив — лишь один, — стал
над собой не властным.

Твой лик узрев, я муку снес, не испустив и
вздоха,
А лепестки срывает с роз не ветром ли ненастным!
Как немощный мой стон дойдет до горней твоей
выси?
Перед зенитом тех высот дано мне быть
безгласным.

Самой предвечной вышине со мною не сравниться,
Когда ты снизойдешь ко мне в величии прекрасном.

Словно удилице в реке — твой локон в моем
взоре:
Трепещет сердце на крючке в мучении ужасном.

Хоть и начнешь ты говорить, а уст твоих не видно:
Ведь небыль в быль не превратить и словом самым
ясным!

Кумир с дыханием Исы чело свое откроет —
И станет жертвой той красы Хафиз в томленье
страстном.

* * *

Поделуем хоть раз одари бедняка, —
Да прославится имя твое на века!

Изумрудный пушок над рубинами уст —
Словно мрак над живою водой родника.

Лишь припомню я сласть твоих сахарных уст —
Мне сластей всех египетских сладость горька.

И не диво, что ты непоседой юлишь:
В этой жизни спокойного нет уголка.

Я немало красивых на свете видал,
Но с тобою никто не сравнился пока.

Для того, кто тобой очарован, равны
И мечеть и молельня — приют для божка.

Ты, Хафиз, дай в шатрандже любви шах и мат,—
Пусть ладью твою держит надежно рука!

* * *

Очей истомным колдовством ты превзойдешь
любого,
И миг за мигом волшебством томишь ты вновь и
снова.

Перед тобою для послуг сам кипарис склонился,
И сонмы его прежних слуг не слышат его зова.

Прекрасный стан твой всполошит все стройные
деревья:
Истерзан мукою самшит и посрамлен сурово.

Один грущу я в тишине, тебе душою предан,
А ты не вспомнишь обо мне, не молвишь и
полслова!

Своих кудрей раскинь мне сеть, слови больное
сердце,—
Ведь птице суждено лететь в тенета птицелова.

Когда б, мне душу не губя, твой гнев меня
не мучил,
Как мне просить бы у тебя от мук приюта-крова!

Хафиз стонет, как в чаду, у твоего порога,—
Рыдает соловей в саду: судьба его тернова.

* * *

Меня в силках твоих кудрей, увы, не ждет пощада,
И сердце ноет все больней и ничему не радо.

Да и весь мир от мук лихих, как я, познает горе:
Дыхание кудрей твоих — как ветер, полный яда.

Извивов чернокудрых вязь узрев на твоем лице,
Все буквы врозь пойдут, смутясь, — ни лада в них,
ни склада.

Пока еще в расцвете ты, глянь на меня,
страдальца:
Не ведать вечной красоты и дивным розам сада.

И не таи прекрасный лик от преданного друга:
Он сокрушенным сердцем сник, а ты — его отрада.

Цветы увянут средь полян, и кипарисы сникнут,
Едва узрев твой лик и стан хотя бы с полувзгляда.

Вот что прискорбно твоему рабу, о мой властитель;
Свиданье в радость лишь ему, а для тебя — досада.

Ты и не вспомнишь о рабе, владыка мой
всевластный,
А мне всю жизнь отдать тебе — и радость и
награда.

К тебе мечтою устремлен Хафиз и днем и ночью, —
Пусть от разлуки умер он, — живи, грустить
не надо!

* * *

Меня покинул мой самшит, вознесшийся высоко,
На лик его я, позабыт, люблюсь издалека.

Мой стан обвили сетью пут волнящиеся кудри,
И, колдовски маня, гнетут меня два томных ока.
И, влюблено, в плену тенет, как птица, бьется
сердце,
Мне, словно цепью, шею жмет аркан кудрей
жестоко.

Безумен я, и потому, что ревность меня мучит,
Учить безумного уму — поверьте, нету прока.

А попугай души упрям: уста твои припомнит —
Охоты у него к сладостям нет даже и намека.

А зёрна родинок огнем ты жжешь — румянцем
лика,
Чтоб уберечься колдовством от козней злого рока.

И, отрешен от всех людей, Хафиз, увы, безумен —
Он без собратьев и друзей томится одиноко.

* * *

Увижу я в саду твой стан, и строен и высок, —
На мне кудрей твоих аркан — от головы до ног.

Всегда любовь и страсть гнетут влюбленного —
весь век,
Чтоб от кудрей он, как от пут, спастись вовек
не смог.

И мне, безумцу, нужен гнет в цепях твоих кудрей,
И пусть мудрец побережет совет свой и урок.

И жгущий родинки твои жар твоего чела
Палит меня огнем любви — все зёрна жизни сжег.

Кто видит рдеющий закат, тот и заре не рад:
Зачем лишь раз, а не стократ в день озарен восток?

Сладка у попугаев речь, но сладкой негой слов
С тобою кто — о, не перечь! — соперничать бы мог?

Кого же я с тобой, пойми, сравню из всех людей?
Тебе подобных меж людьми еще не создал рок.

Никто со мной не разлучит мою любовь к тебе:
К тебе в моей душе привит моей любви росток.

Чтоб пыла страсти ведать суть, Хафиза расспроси:
В его горящем сердце путь в Ходжент теперь
пролег!

* * *

У тебя в плену я, и не знать мне воли,
Я стенаю горько о печальной доле.

О, не жги мне сердце мукой огневою, —
Ведь добры к бездольным шахи на престоле.

Злобны твои очи, словно иноверцы, —
Сколько они сердцу причинили боли!

О тебе я помню, даже умирая, —
Вспомни же беднягу только раз — не боле.

Твоих уст я жертва — жизнь за них отдал я, —
Так вот и Фархада муки побороли.

Колдуны Кашмира у тебя учились:
Столь лихого взора мир не знал дотоле.

Твои псы затравят — прочь меня погонят, —
Путь найду я верный — в отрешенном доле.

Друг мой, твои очи, как палач, жестоки, —
Умирать Хафизу у тебя в неволе.

* * *

С любимой быть бы рядом, и мне такая надобна,
Которой мучить взглядом, глаз не спуская, надобно.

Все знал я, что нас учит,— страсть, верность, муки
ревности,
А мне — любовь, что мучит,— страсть колдовская
надобна.

Влюбленный — друг удачам, когда не спит,
а бодрствует:
Чтоб знать любовь — быть зрячим, глаз не смыкая,
надобно.

И если тебе мило, о друг мой, ведать радости,—
Жить так, чтоб не томила тщета мирская, надобно.

С любимую при встрече умолкнул я в смущении,
А говорить все речи, не умолкая, надобно.

Соперников немало вокруг любимой вижу я,—
Знать, что у роз есть жала, цветы лаская, надобно.

Хафизу непременно нужны враги-соперники:
Узнать любимой цену, к ним привыкая, надобно!

* * *

О кравчий, мною ты любим — и жизнью вся душа
полна,
Ведь нынче правит Ибрагим, и надо нам испытать
вина.

Луне — погибель и урон от чаши с налитым вином:
Свет солнца в чаше отражен — его краса отражена.

Вино, что пьешь ты, — с давних пор под стать
рубинам твоих уст, —
Рубинам Бадахшанских гор лихая зависть суждена.

И если все живое вмиг застонет, словно соловей,
То значит: розовый твой лик покоя всех лишил.
и сна.

Вино лишь изольется прочь, и опорожнится сосуд —
Самой живой воде невмочь: в стыде сокроется она.

И сердцу и душе светло, когда достигнешь высших
благ:

Неизъяснимое чело увидеть милость мне дана.

Всему, что создано вокруг, Хафиз возносит
похвалу, —

Звучит его газелей звук в эти благие времена.

Твой камнесердый гнев столь лют, что вся душа
разбита,

Камнями не разбей сосуд: и так он — словно сито.

Сурьма очам души моей — прах с твоего порога,
Он мне — лекарство от скорбей, от болестей
защита.

Взгляни: в белках моих очей не чернь зрачков
темнеет, —

То тень от родинки твоей в них, словно кровь,
сокрыта.

Все сердце кровью спалено — дай уст твоих мне
влячь,

О, сжался, — терпкое вино да будет мной испито.

Я, немощный, совсем зачах, — о, сжался надо
мной, несчастным, —
Жестокость в любящих сердцах — столь редкостный
изъян найдется ль?

С тобою разлучен, скорбя, я света белого
не вижу, —
О, взор, который без тебя сияньем осиян,
найдется ль?

Благоуханной красоты твоих кудрей я вечный
пленник.
Чьи еще кудри столь густы? И мускус, столь же
прян, найдется ль?

И ты Хафизу разрешишь быть подданным твоим,
владыка, —
Подобный мне бедняк-дервиш, негодник и смутьян
найдется ль!

* * *

Твоей волшебной красотой навек я сокрушен, увы,
Лукаво я сражен тобой, к тебе приворожен, увы.

Моях невзгод огонь суров — ты душу мою жжешь
дотла,

Но ты и всех, как мотыльков, палишь в огне
пламен, увы.

С поры, когда я образ твой в красе столь чудной
увидал,
Душа моя полна мечтой, и взор мой стал хмелен,
увы.

В мечтах с тобой я день и ночь, и до других мне
дела нет,

Мне страсть к тебе не превозмочь — от всех
я отрешен, увы.

Твой взор лукаво-плутовской ни с чьим я взором
не сравню,—
Твоею властью колдовской я стал заморожен, увы.

Когда кудрей волнистый ряд расчесываешь
гребнем ты,
Благоуханьем их объят и я со всех сторон, увы.

Ты упасть, Хафиз, не смог от родинок и от
кудрей:
Приманен зернами в силок, ты навсегда пленен,
увы.

* * *

От твоих очей и бровей жжет мне душу огнем
кручина,—
Смущены красотой твоей живописцы Рума и Чина.
Где двоякое, где одно — разобрать я, увы,
не в силах,—
Быть красивой тебе дано: брови — две, а краса —
едина!

Я ресницами пыль мету, орошая ее слезами,
Чтоб красы твоей чистоту не попрала во прах
судьбина.

Воздавалась и мне хвала, а теперь я людьми
ославлен:
Что таил я — всем предала моих слез горячих
лавина.

Не найти у твоих дверей мне и камня — прилечь
устало:

Там, где ты, любой из камней — краше жемчуга и
рубина.

О святоша, ты чтишь мечеть, отвергая утеху
хмеля, —
Погребок, где дано хмелеть, для тебя — навсегда
чужбина.

И Хафизу не дорога вся тщета-суета мирская:
Он, гуляка-бедняк, — слуга у великого властелина.

* * *

Твои кудри — мрак ночной, солнца свет в себе
таящий,
Лик твой — утро с белизной, через тьму кудрей
светящей.

Видно, вознесен молвой буду я в день судной
смуты:
Весть об этом — локон твой, так смутительно
манящий.

Благовонный ветерок от кудрей твоих душистых
Пеленой сады облек, благовония дарящей.

Лик твой всполохом огня мое сердце окровавил,
Сгубит рой ресниц меня, стрелами ко мне летящий.

И едва ты выйдешь в сад, кипарис клонится долу,
И деревья все лежат пред тобой густою чащей.

И в очах твоих задор, хмель, истома — разве диво?
Моей кровью пьян твой взор — сам хмельной и
всех пьянящий.

Горечью меня доймет: ты соперников приветишь,
Речью, сладкой словно мед, а на деле — яд
точащей.

Сладок о Ширин рассказ — о ее любви к Хосрову,
Горек о Фархаде сказ — солью словно бы горчащий.

Что за прок тебе, Хафиз, жить в Хорезме
безотлучно, —
Покорен уж сам Тебриз славою твоей гремющей!

* * *

От тебя и гнет мук мне во благо дарим,
Боль моя — что ты друг супостатам моим.

Будь же дружною впредь ты с моею слезой:
Словно жемчуг, блестеть вам дано лишь двоим.

Видя светлый твой лик в темных кольцах кудрей,
Я надежду постиг, но боязнью гоним.

Взор твой — быстрый такой: каждый миг он —
другой, —
Ведь неведом покой озорным и хмельным.

Сердце так потому к чудо-стану влечет,
Что желанно ему быть таким же прямым.

«Где уста прячешь ты?» — я спросил и примолк, —
В книге книг Красоты они — словно бы «мим».

Сжался, друг дорогой, над безгласным рабом, —
Тебе верным слугой станет Абдурахим.

* * *

Лик твой краше весеннего сада,
От красы твоей — розам досада.

Очи черные сердце словили,
В дебрях локонов крылась засада.

Тебе очи похмельем смежило,
Но лукавство их бодрствовать радо.

Озорно подмигнешь ты другому,
А в душе моей боль — горше яда.

Я тебе благодарен за муки:
От тебя мне и муки — награда.

Полубил я тебя всей душою,
А тебе моих мук и не надо!

Ты, Хафиз, не дождешься свиданья,—
Претерпи боль разлук и разлада.

* * *

Когда ты пылом наделен к стихам — слагай умело
стих,

Твоей души превыше он, твоего сердца дело — стих.

Стоянку видишь вдалеке — веди к ней верный
караван:

Поводья у тебя в руке — ведущий тебя смело стих.

И, как пловец в пучинах вод, ты в море жизни перл
сыщи:

Жемчужным блеском не блеснет написанный
незрело стих.

Палящей преисподней печь немало страждущих
сожгла:

Не каждая душа зажечь в себе огонь умела — стих.

* * *

Едва лишь озаришь ты сад, павлин замрет,
изнемогая,
А словом — слаще всех услад — ты посрамишь и
попугая.

Не диво, что, красой блеснув, поработишь ты всех
влюбленных, —
К твоим стопам падет Юсуф: «О шах времен,
тебе слуга я!»

Влюбленным страсть не превозмочь, едва узрят
твой лик и кудри, —
Мольба в устах их день и ночь, и — что ни миг —
уже другая!

Кто не готов пролить всю кровь, узрев уста твои —
рубины,
Тот запретит себе любовь, нектар желанный
отвергая.

Оставит славу по себе тот страждущий и верный
слову,
Кто гибнет от любви к тебе, весь груз тщеты с себя
слагая.

И над твоим порогом ввысь взлетает сердце
вольной птицей,
Ей над тобою вознестись — судьба возвышенно
благая.

Твой лик — как полная луна, и полнит радостью
Хафиза:
Закончен стих его сполна — он пел, в свой стих
любовь влагая.

* * *

Тех, кто красой с тобою схож, на свете,
нам явленном, нет,
Пылинки — даже те сочтешь, числа ж тобой
плененным нет.

Жертв не ищи на стороне — убей меня своей
красой:
Столь жаркой крови, как во мне, любовью
опаленном, нет.

О луксбровая моя, срази меня своей стрелой, —
Другого, годного, как я, быть в жертву
принесенным нет.

Ты краше розы, пленены тобой всех любящих
сердца,
Но соловьев, что мне равны печально-горьким
стоном, нет.

О, мне твоего лика вид узреть вовеки не дано:
Таких, кто солнца лик узрит, не ставши
ослепленным, нет.

Я взором твоих глаз заклан, — увы, мне милости
не ждатель, —
Ужели истых мусульман в сем мире
оскверненном нет?

Вкусил отраву я разлук, — свиданьем услади меня,
Что тебе стоит, милый друг? Позора благосклонным
нет!

Весь разум отдал я, пойми, за твой румянец
неземной:

Безумьем равных меж людьми со мною,
помраченным, нет.

Хафиз тобой не оценен, о друг мой,— оцени его:
Столь верно любящих, как он, на свете,
нам явленном, нет!

* * *

О кравчий, красного вина — под цвет весны —
налей, прошу.

И да звучит твоя струна, певец,— запой звучней,
прошу.

От пут ума — на сердце мрак, мне место —
в винном погребке,—

Мудрец, меня в притон гуляк сведи,— печаль
развей, прошу.

Своею кровью я истечь сегодня жажду в доле мук,
И, если нет вина,— свой меч омой в крови моей,
прошу.

И был святошей, и никак нельзя мне было пить
с тобой,

Теперь я просто весельчак — вина в фиал мне влей,
прошу.

Вселенской чашею вина — и тою я не опьянюсь,—
Дай, чтоб напиток допьяна, вина мне похмельней,
прошу.

Ущербный месяц светит мне, ущербна вся судьба
моя,—

Под стать набравшей сил луне дай мне фиал
полней, прошу.

И, если от своих щедрот Хафизу ты вина не дашь,
Дай ему зелья от невзгод — его ты пожалей, прошу.

Патмится скорбно лунный круг перед огнем
багряным, право.

Над ликом, что светлей луны, не брови-месяцы ли
встали

Иль крылья ворона, черны, парят над ликом
рдяным, право?

А кудри станешь ты чесать — благоуханьем дивным
пышет, —

Душистый мускус им под стать неведом и
джейранам, право.

Разлился слез моих поток, и ставит ловчий
кудри-сети,

Меня поймают на крючок иль завлекут арканом,
право.

Приди к очам моим, пока живой водой мой взор
струится:

Вблизи такого родника дано цвести полянам, право,

Весь камень, что в горах таим, покажется
мягчайшим воском

Пред сердцем каменным твоим и его гневом
рьяным, право.

Твоим рубиновым устам вручу я жизнь свою
охотно —

Всю душу в жертву я отдам твоим устам
медвяным, право.

Уны, неведом мне цветник — приют и кров Хафизу
в горе,

Но там, где ты, твой дивный лик, — цвести садам
румяным, право.

* * *

Когда, терзая, милый друг казнить меня желает,
Меня губить он гнетом мук, стократ казня,
желает.

Но сердцу — радость, а не стыд терпеть обиды
друга, —
Больное сердце вновь обид днь ото дня желает.

Когда весь мир зальют лучи сияющего солнца,
Влюбленный жечь себя в ночи в пылу огня
желает.

От века розу обожал ты, соловей, страдая,
Но роза жить, шипами жал тебя дразня, желает.

И как в леченье ждать удач, увы, больному
сердцу,
Когда меня сгубить сам врач, хворь не гоня,
желает!

Для суетного благодать — себя богатством тешить,
Влюбленный — в горестях страдать, любовь храня,
желает.

В сады блаженств мирская страсть влечет нас
неуклонно, —
Хафиз — с Мансуром вместе пасть, главу клоня,
желает.

* * *

Взор безбожный твой мне душу разорить жестоко
хочет,
Реки слез моих на сушу вылить в два потока хочет.

О любви я ей ни слова, даже мучась не промолвлю,
А она меня бедово мучить, грозноока, хочет.

Сердце мучится сурово, пылом страсти одержимо,
Если друг мой на другого глянуть хоть в полока
хочет.

Много лет — за летом лето — гибну я в тенетах
страсти, —
Что же мрак кудрей со света сжить меня до срока
хочет?

Умертвит всю душу в теле, в узах тленности
исчезнет,
Кто достичь заветной цели — твоего порога хочет.
Сколько сломленных страданьем жжет она огнем
разлуки,
А кого ж она избраньем вознести высоко хочет?

И горю, Хафиз, багрово, — любо ей любить другого,
А меня она сурово прочь прогнать далеко хочет.

* * *

Полумесяцы ли это, брови ль выгнуты красиво?
Живописцы всего света изумятся: «Что за диво?»

Перед ними я в смиренье каждое мое мгновенье:
Тяжко бьют меня каменья — я для них, увы,
пожива.

И я верности не рушу: не войдет чужое в душу, —
Море выплеснет на сушу всякий сор в часы
прилива.

С той поры, как волей рока стал страдать я
одинокю,
Град каменьеv бьет жестоко в грудь меня
без перерыва.

О кудрях твоих в кручине, я готов брести
в пустыне, —
Я с Меджнуном дружен ныне — как и он,
бреду тоскливо.

Не был бы мой плач горячим, я б сторел в пыланье
жгучем:
Сушь всегда грустит по тучам, все сухое ждет
полива.

Не твердите мне заклатья от любви: рожден
сгорать я, —
Что вам в жизни моей, братья, — отвечайте мне
правдиво.

Я — скиталец града страсти, о друзья, терплю
напасти, —
Верьте сердцу, его власти, правоте его призыва!
Ты, Хафиз, со всеми в ссоре, — будь же стойким
в своем горе,
Будь достоин того моря, где любовь кипит бурливо.

* * *

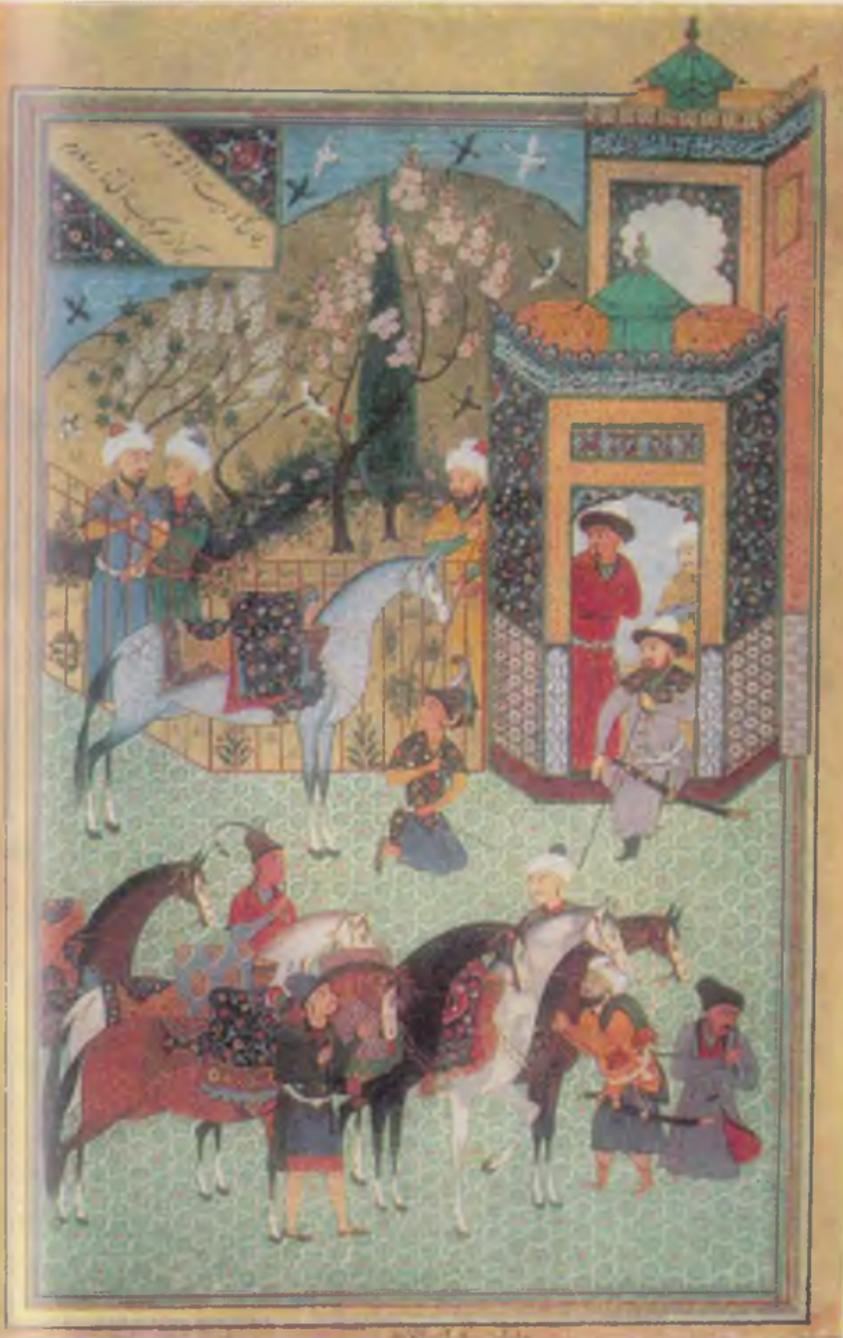
В тот миг, когда душа огнем — любовною тоской
пылает,
Я стон свой не сдержу — и в нем весь свет,
весь мир-мирской пылает.

Когда я лик, любимый мной, припомню, огненно
стенаю,
Все небо с солнцем и луной, навек забыв покой,
пылает.

در این تصویر
مهر و ماهی

Едва твой лик мелькнет вдали — в цветущий сад
заронит искру,—

От жара все сады земли в огне весь день-деньской
пылают.

Едва лишь ты красу свою на зависть райским
кущам явишь,—

В тоске все гурни в раю от зависти такой пылают.

Твой огненно-палящий лик я описать, увы,
не в силах:

Лишь слово молвлю — мой язык от страсти
колдовской пылает.

И тот, кого любовь сожгла, познал всю сласть
самосожженья:

Он, сам себя паля дотла своею же рукой, пылает.

Едва ты жаркий стон издашь, Хафиз, у милого
порога —

Глядишь, в дверях стоящий страж, зажжен твоей
тоской, пылает!

* * *

От разлук с тобой в обиде, очи поневоле плачут,
А рыданья эти видя, в теле дух от боли плачет.

И когда я о пропаже, повелитель мой, рыдаю,
Видя это, твои стражи — сострадавая, что ли —
плачут!

Если о моей потере хоть одно я слово молвлю,
Дивы, ангелы и пери — все в небесном доле
плачут.

И когда я, раб безгласный, созову гостей
достойных, —

Даже гости о злосчастной моей горькой доле
плачут.

И когда явили милость псы мне у ее порога,
Глядь, любимая смягчилась: гордая дотоле, плачет.

Я решил и жизнь оставить, истомившись
от рыданий, —
Ты не можешь и представить, как бедняк в недоле
плачет!

Нет суровой и сердитей, чем властитель мой
жестокый:
На Хафиза поглядите — бедный, он все боле плачет.

* * *

Сахар уст твоих рдяных — это чудо из чуд,
Цепи локонов пряных сердце болью гнетут.

Мое слово, что вилось, словно кудри твои,
Как уста твои, скрылось, и не внемлет мне люд.

Ты томишь и лукавишь и терзаешь стократ,
И к лукавству прибавишь сто лукавых причуд.

У султана Махмуда раб был верный — Аяз,
Но Аязу — вот чудо! — стал слугою Махмуд!

Пожалев, приголубит — и уж я не бедняк:
Если бедного любят — ему счастье вернут.

Цену хворям-недугам знает только беда:
Стали беды мне другом в доле бедствий и смут.

Душу мучает жженье — ярый пламень любви:
Где свеча — там горенье, — что горит — то и жгут.

Тяжко плакать мне будет на пороге твоём,
Но меня же осудит злой молвы пересуд.

Ты стезею гуляки из Хорезма ступай, —
Пусть Хафиза в Ираке и в Ширазе почтут.

* * *

Похитившая сердце лань бежит, не слыша зова, —
Как ни молю я: «Перестань!», — умчаться вновь
готова.

Душа, как птица, рвется прочь из тесной клетки
плоти,
Она взлетает день и ночь над домом птицелова.

Да будет милостива власть властительного сердца,
Готов я пред тобою пасть, влачась во прахе снава.

Душа влюбленного чиста, чужда она мирскому:
Вороне сокол — не чета, — ведь он не ест гнилого!..

И если стрелы ста невзгод любимая послала,
Все беды любящий снесет, как мука ни сурова.

Ты петь Хафиза попроси лишь на наречье тюрок, —
Хафиз Ширазский на фарси пропел иное слово!

* * *

Когда в пиру ни одного бурлящего фиала нет,
Тогда и пиршество мертво — порядка в нем
нимало нет.

Ты всех желаний существо в хмелящем кубке
обретешь, —
Иначе в жизни ничего, что жизнь бы украсило, нет.

Я обошел весь мир земной — сады, цветущие
весной, —
Там роз, увя, прельщенных мной, чей лик расцвел
бы ало, нет.
Поверь, мне не найти речей — свет лика, тьму
кудрей воспеть, —
Таких лучей, таких ночей любовь еще не знала, нет!
Все дни в моих мечтах о ней барахтаюсь я
в бездне бед:
У бед, как и у бега дней, ни края, ни начала нет.
Мечтаю я и день и ночь о счастье ее рдяных уст,
Мой дух из уст исходит прочь, а счастья даже
мало нет.
От нечестивых глаз, Хафиз, ты милосердия не жди:
В них веры ты найти не тщишь — ее там
не бывало, нет!

* * *

Где ты — там солнце и луна, их свет с высот
излишни,
А там, где бровь твоя видна, михраба свод —
излишний.
Где завитки твоих волос и алый лик твой рдеет,
Не надо там ни трав, ни роз; все, что цветет,
излишне.
А сладостным устам твоим дано пленять
влюбленных:
И сахар уж не нужен им, шербет и мед — излишни.
На свитке — на лице моем потоки слез кровавых,
И краской выводить на нем узор-развод излишне.

Потоки слез текут на грудь и плещутся, как море,
А мне до времени тонуть в пучине вод излишне!

Что ж ты и взором не ведешь, мой друг,
отнявши сердце,—
Тому, кто предан и пригож, вражда и гнет излишни.

Хафиз к порогу твоему пришел — к твоим
собакам,—
При шейхе состоять ему, который лжет, излишне!

* * *

Со мной и мига не была вдвоем ты никогда, увы,—
Вот так вся жизнь моя текла, спокойствия чужда,
увы.

Порой и отличит ных — счастливой долей одарит,
Но будь уверен: доля их не будет не худа, увы.

Любовной негою вовек бывал расцвечен сад
души,—
В садах тобой даримых нег — весны нет и следа,
увы.

И ни на миг на свой порог не выйдешь ты,
мой кипарис,
Пока кровавых слез поток я не пролью туда, увы.

От пик ресниц твоих истечь мне алой кровью
суждено,—
Не причинит и грозный меч столь тяжкого вреда,
увы.

Прожжет все камни и гранит мой пламенно-
горячий стон,
Но твою душу не пронзит: душа твоя тверда, увы.

Где на земле — в какой глуши, Хафиз, ты волю
обретешь?—
Твоей душе без той души не деться никуда, увы.

* * *

Нет, мне возлюбленной нигде во всей вселенной
не найти,

И состраданья мне в беде юдоли брэнной не найти.

Я ценности души самой раскинул людям напоказ,
Но покупателя на мой товар бесценный не найти.

Моим очам неведом сон, а счастье мое крепко спит,
Увы, счастливых мне времен — судьбы блаженной
не найти.

И стон мой горький одинок — десница бедствий
тяжела,

И весь я кровью уж истек, а несравненной —
не найти.

Как ни клянет меня, презрев, как сердце ни гнетет
она,

Управы мне на ее гнев, столь дерзновенный,
не найти.

И, как Хафиз ни изможден, безжалостной его
не жаль,

Хотя столь преданных, как он, всегда смиренный,
не найти!

* * *

Твои глаза и брови — знак щедрот предвечного
пера:

Дивятся живописцы — как искусность их творца
щедра!

Таящий серебро рудник всегда сокрыт среди
каменей,
А камень сердца — сердолик — в тебе, как в слитке
серебра.

Мой стон бы сердце твое сжег, оставив в нем
палящий след,
Когда бы камень жечь он мог, застывший, как
гранит-гора.

Я от мучений и обид, увы, расстанусь с головой, —
Как камень, в сердце боль лежит, и моя участь
недобра.

Лью слезы на твоём пути, чтоб не в пыли тебе
идти, —

Готов ресницами мести я пыль с утра и до утра.

Как вешний ливень, пролились потоки моих
горьких слез, —

Что ж, молодеет кипарис, когда под ним земля
сыра!

Хафизу в его доле бед твой лик вовек не увидеть:
Летучей мысли солнца свет увидеть не придет пора.

* * *

Поверь, другой души такой — как и твоя,
прекрасной — нет, —

Другой, отнявшей мой покой, как повелитель
властный, нет.

Увидев твоих ног следы, любой признает,
устыдась:

На свете и живой воды, столь чистой и столь
ясной, нет.

Безбожен локон твой и дик, и я пред ним
не преклонюсь:
Иной мне веры — не в твой лик, свет моей веры
страстной, нет.

Едва откроешь ты чело хотя бы на единый миг, —
И солнце сразу же зашло — его во тьме
ненастной нет.

Какою мукой ни вяжи меня, не милуя ничуть, —
Люблю всем сердцем, — в этом лжи и лести
сладкогласной нет.

В пучинах всех морей земных искал я жемчуг
для тебя, —
Жемчужин, ярких, как мой стих, скажу я
беспристрастно, нет.

Звучит мой соловьиный зов для розы — той,
что я люблю, —
Столь голосистых соловьев, как и Хафиз
безгласный, нет.

* * *

Копной твоих кудрей смятен, безумен я в одиноке,
И, словно в кладесь погружен, я сердцем —
в ямках твоих щек.

Всех мертвых оживляет вмиг живая влага твоих
уст, —
Зачем же уст твоих родник меня на бедствия
обрек?

Благоухание дохнёт от мускусных твоих кудрей,—
Китайский мускус — даже тот равняться с ними бы
не смог.

А поутру ты выйдешь в сад, улыбкой яркою
блеснешь —
Глядишь, от ревности гранат померк — красы
не уберег.

Возвеселит ли меня вновь сад твоей веющей
красоты?
Как роза, рдеет в сердце кровь — ресниц твоих
набег жесток.

Все изумруды, как один, и блеск рубинов посрамят
Твоих багряных уст рубин, рейханых губ твоих
пушок.

Не диво, что, узрев твой лик, Хафиз в смущении
поник:
Смущенья — доли горемык, увы, и он не превозмог.

* * *

Весь мир покорила твоя красота,
Но ты лишь собою, увы, занята!

Пусть солнцем она для влюбленных горит,
Не зная заката, светла и чиста.

И родинок точки и «нуны» бровей
Красивы, как схожие с «мимом» уста.

Припомню я стан твой — истаю совсем,
И сам я уже — словно небыль, мечта.

Прекрасною речью красно ты хитришь,—
От красного слова — и щек краснота.

О, сжался, хоть раз подари поделуй
И душу возьми, что тобой отнята.

Как речь попугая, сладка твоя речь, —
Созвучья Хафиза лишь ей и чета!

* * *

Властитель мой, хоть иногда ты сжался
над слугой, молю,
Тяжка моя печаль-страда, — мне сердце успокой,
молю.

Опутан я со всех сторон — как твои кудри, вьюсь
от мук,
И скован я и сокрушен, — даруй же мне покой,
молю.

Я изнемог от мук любви, твоей красою изможден,
Больное сердце обнови, объятое тоской, молю.

И телом и душой — вдвойне — стелюсь я пред
тобой во прах, —
Рушь мою плоть, но душу мне, смягчась,
благоустрой, молю.

Жестокий гнев твой зол и яр, но если я хоть раз
вскричу,
Ты каждую из лютых кар безмерно сделай злой,
молю.

О, лик твой пламенно-пунцов, — затми же солнце
поутру, —
Приподними с чела покров — блесни мне красотой,
молю.

Хафиз в плену твоих очей — безумной страстью
в них влюблен,—
Быть жертвой этих палачей, награды удстой,
молю.

* * *

Весна, о кравчий,— начинай свой пир, веселья час
приблизь,
Настрой и чанг, и уд, и най, чтобы их звуки
полились.

В стенанье сладостном своем любовь и страсть
воспой в лугах
И с одержимым соловьем — своим собратом
подружись.

Всех истинно влюбленных в сад зови на пиршество
скорей,
Чтоб песни там — за ладом лад — одна вослед
другой неслись.

И если в кущах красоты тебе откроет роза лик,
Пари в безумии мечты, как соловей, взлетая ввысь.

Закрытый некрасив бутон, как ты его ни украшай,—
Расцветшей розой изумлен, стократ красе
ее дивись!

Когда в саду твой взор узрит той чаровницы
стройный стан,
Ты можешь позабыть самшит, без кипариса
обойтись.

И если в цветнике любви ты, словно роза,
расцветешь,
К себе Хафиза позови — ему, страдальцу, улыбнись.

* * *

Страдальца порадуй свиданьем, — да будет он весел
и рад,
Скитальца спаси назиданьем, бредущего вдаль
наугад.

Владычица избранной доли, пощаду и милость яви,
Невольника вызволь на волю из плена невзгод
и утрат.

Кудрей покрывало ночное с дневного чела
приоткинь, —
Сокроются солище с луною, навеки уйдут на закат.
Вовек милосердного слова страдальцам не ждать
от тебя, —
Зачем твое сердце сурово, как острый и твердый
булат?

Твой взор с беспощадною силой несчастных
страдальцев гнетет, —
Ты добрым их словом помилуй, — никто из них
не виноват.

И, видя угасший мой разум, погибшую душу мою,
Утешь меня горьким рассказом о том, как томился
Фархад.

И, если ты помнишь о благе душой тебе преданных
слуг,
Хоть раз о Хафизе-бедняге ты вспомни, —
он друг им и брат.

* * *

С другими хмель багряный пить, дружить, мой свет,
не смей,
Страданьем сердце мне палить — пыланьем бед
не смей.

Стократ я в горестях лихих из-за твоих лукавств,—
В отплату за грехи других мне делать вред
не смей.

Дарованный тобой недуг — отрада мне и жизнь,—
Лихому гнету моих мук ты класть запрет не смей.

Побудь с рабом, душа моя, участия не тая,—
За быстротою бытия спешить вослед не смей.

Я перлы слез жарче огня на желтый лик пролил,—
Рубином уст дразнить меня, ввергая в бред,
не смей.

Не хочешь гибели моей во власти злых оков —
Скрывать от взора тьмой кудрей ты лика свет
не смей.

И, чтобы в сердце не проник к Хафизу мрак
ночной,
Кудрей завесу на свой лик спускать — о, нет —
не смей!

* * *

Среди красавиц не сыскать другой красавицы такой:
Уста лишь приоткроет — глядь, сладчайший мед
течет рекой.

И просто так сказать, что мед течет из уст твоих, —
нельзя:
Всю их усладность не поймет и самый мудрый ум
людской.

И ежели твоим устам желанно мою душу взять,
Всю душу я тебе отдам и сердца сладостный
покой.

Приюту глаз моих и слом и разорение грозят:
Любой разрушен будет дом дождем, что льет весь
день-деньской.

Твой лик я вспомню — из-под век готовы очи прочь
истечь:
Всегда от солнца тает снег — от его силы
колдовской.

И как страдальцу не сберечь любовь и страсть
на вечный срок?
Не разлучит и смертный меч его с любовною
тоской.

Нет, не приемлют слов моих и хмурят очи
мудрецы:
Мол, этот стих — Хафиза стих, и разницы нет
никакой!

* * *

Сжался, кипарис прелестный, выдь на вешний луг,
прошу, —
Озари красой чудесной розы — своих слуг, прошу.
Чтоб забыть мне о забавах и вовеки сна не знать,
Стрелы из очей лукавых пусть пошлет твой лук,
прошу.

Мне от уст твоих далече сладких слов не говорить,
Помоги же моей речи молвить сладкий звук, прошу.

О, зачем же кровь бедняги ты из сердца его пьешь!
Чашу мне хмелящей влаги дай из своих рук, прошу.

Чуть живой я — еле-еле, отнята душа тобой, —
Стань душою в моем теле — исцели недуг, прошу.

Солнце на весь мир с луною быют в литавры
красоты, —
Лик открой — своей красою ввергни их в испуг,
прошу.

Если хочешь ты спасенья от ярма разлук и бед,
Дай Хафизу исцеленье от невзгод и мук, прошу.

* * *

Твой лик — как цвет опала, но мне грозит опала,
А ты бы, хоть и мало, меня жалеть бы стала!

Ты лучше, хоть обманом, заморози мне сердце, —
Смотри, под стать тюльпанам твой лик сняет ало.

Влюбленный был в дурмане, наверно, — не иначе,
Когда о твоём стане душа его мечтала.

К устам твоим маящим душа мечтой стремится
И родником живящим течет, бурля удало.

Полдневное светило тебя узреть хотело,
Но на закат уплыло, едва лишь увидало.

Услышав, как прекрасно звучит мой стих
по-тюркски,
Сказал Камаль бы, ясно, похвальных слов немало.

Хафиз, ты стих газели, пролил живой водою,
Чтоб стих в ответ пропели, и в нем вода журчала.

* * *

Полумесядами бровей светишь ты и ликом-луной,
Ярок светоч красоты твоей — беззакатного солнца
зной.

Что же розы со всех сторон полыхают жарче
пламен,
Будто цвет их не посрамлен красотой твоей
неземной?

Ветер утром, стыдясь, донес благовонье твоих
волос,
А на лице, что краше роз, виден родинки цвет
ночной.

Твой таинственно-тонкий стан, видно, людям
для смуты дан:
«Он незрим, он — мираж-обман», — яро спорит
весь люд честной.

Ты пойдешь по моим следам — я себя отыскать
не дам:
Стан твой тонкий вспомнив, и сам стал незрим я,
и ты — виной.

Я — лишь пыль, где пролег твой след, но печали
мне в этом нет, —
Жаль, что в пыль от вихреня бед не истерт я,
чудак смешной!

Забурлил моих слез поток — и твой стан я увидеть
смог:
Юн и свеж, проглянул росток, благодатной впоен
волной.

Кто еще, о Хафиз, ответь, смог бы стих вот такой
пропеть?
Про твой стан ни теперь, ни впредь так не спел бы
никто иной.

* * *

Сколь истомен твой лунный лик — словно месяц,
я стал горбат,
Тонкий стан я твой вспомню — вмиг таю в небыль,
как дым и чад.

Твоих родинок красота днем и ночью — в сердце
моем:
Только эта моя мечта и смягчает мне боль утрат.
Я всю жизнь положить готов, лишь прильнуть бы
к устам твоим,
Но каких я ни трачу слов, а они в ответ лишь
молчат.

Стал бы славен я и высок, словно сам небесный
чертог,
Если б силы найти я смог пасть во прах у твоих
палат.

Ты едва лишь блеснешь красой, сгину в небыль я,
жалкий раб,—
Потому-то мне быть с тобой небеса, увы, не сулят.
Если нет хмельного вина в твоей чаше любовных
нег,
Станет лишь черепком она, не сулящим тебе услад.
Сладок тюркский Хафиза слог да любовью к тебе
высок,
И любителям звучных строк даровать он отраду рад.

Лик твой предо мной предстанет, красотой
всесветной глянет —
Он румянцем меня манит, а приманит — и обманет.

И покуда мой стоны жгут огнем твой лик цветущий,
Моих глаз родник бессонный их тушить
не перестанет.

У влюбленного на лице — всех невзгод его улики:
Взор какого горемыки его беды не туманят?

С той поры, как душу ранит темных родинок
виденье,
Тьма и мрак меня дурманят, разум мой во мраке
вянет.

Если локон твой истомный не одарит меня
счастьем,
Мне предвестьем доли темной он на светлом лице
станет.

Сердце, распуская крылья, к меду уст твоих
стремится, —
Только сдохнув от бессилья, муха меда не поганит.

Уст твоих рубин горящий мне хмельней вина
хмельного, —
О твоей красе томящей сердце думать не устанет.

А лукавым взором глянешь — ты красою
колдовскою
И отшельника приманишь: сердце его в небыль
канет.

Восхищен Хафиз тобою, он воспел твой лик
по-тюркски,
И теперь строкой любовью вровень он с Камалем
встанет!

* * *

Едва лишь вспомню я свиданья миг блаженный,
И — радость забытья в душе моей смиренной.

В пути любви беда — учитель мой суровый,
И ей служу всегда я, ученик смиренный.

И если рухну я, дар бытия утратив,
В степи небытия мне будет кров нетленный.

Но если бег веков пленит меня в оковы,
Спасусь я из оков моей неволи пленной.

Любовь меня сожжет палящим всех пыланьем:
Безверец — даже тот смирится, дерзновенный.

К твоим устам хоть раз припасть бы мне
в восторге —
Я о Фархаде сказ сложу неизреченный.

Но любо палачу меня безмерно мучить,
И, как Хафиз, кричу я в муке неизменной.

* * *

Да будет мной испит вина любви глоток —
Меня он отрешит от всех земных тревог.

Святоша — злой старик захочет пить со мной —
Единой каплей вмиг его свалю я с ног.

Я вникну в суть речей главы хмельных утех, —
Для раковин-ушей как жемчуг — его слог.

Отравно-горек вкус мучений от разлук, —
О, если б сладких уст вкусить нектар я мог!

А ветер принесет мне о свиданье весть —
И в сердце пеной вод взбурлит морской поток.

С чела отняв покров, как солнце, ты сверкнешь —
Я локонами слов совью завесу строк.

Цветник желанных нег мечтам Хафиза люб,
И соловья навек умолкнуть он обрек.

* * *

Вина пригубим и опять мы пить хмельное станем, —
Не будем глупых дел свершать, а всё иное —
станем.

Нам от хмелящего вина вовеки не отречься:
Менять последний клочок рядна мы на вино и станем!

О суфий, ты вином насыть нас чистым —
без осадка, —
Тебе земное всё дарить и неземное станем.

Мы знатных и простых вином от разума
отвадим, —
Науку страсти воспоем — знать лишь одно и
станем.

Своя у всех, кто верит, цель — в мечети ли,
в притоне,—

Искать мы веру там, где хмель, любой ценою
станем.

Когда в минбаре озорство болтун затеет глупый,
Смирять мы хмелем естество его шальное станем.

Но полно! Всех утех хмельных вовек
не перечислить,—
Давай, Хафиз, закончим стих — писать иное станем!

* * *

Роз, красивых, как твой лик, я, как ни искал,
не видел:

Где красы твоей цветник, там я острых жал
не видел.

Путь моей любви тосклив — попрун я во прах
навек,—

Я таких, кто, полюбив, вдруг счастливым стал,
не видел.

От пустых бесед далек, затаи свой пыл сердечный:
Я, чтоб тайну уберег врун или бахвал, не видел.

Сердцем я стонал навзрыд, оскорблен
тысячекратно:

Знал я только боль обид — ласки и похвал
не видел.

Хочешь чистым быть — живи, мук любви
не избегая:

Я, чтоб баловень любви чистотой сиял, не видел.

Ведал я позор и стыд в моей страсти
безответной —
Ничего, кроме обид, гнева и опал не видел.
Я в скитаниях весь свет обошел, Хафиз,
не встретив
Столь же хитрых призеред. Я таких не знал,
не видел.

* * *

Я возлюбленных, ценивших, что им верен друг,
не видел,
Сердцу муки не даривших нежных я подруг
не видел.

Знал я верность обещавших, сердце хитростью
пленавших,
Но обет не нарушавших я нигде вокруг не видел.
Глянут вскользь, являя милость, и заманят
сердце взором,
Но чтобы душа ценилась в ее доле мук —
не видел.

Много было говоривших, бойко обо всем судивших,
Но любовь свою даривших, а не боль разлук, —
не видел.

Много было говоривших, бойко обо всем судивших,
Но я слово претворивших в дело своих рук
не видел.

Всех любовью заболевших только смерть одна и
лечит:
Никогда я одолевших этот злой недуг не видел.

О Хафиз, чтоб быть с любимой, жаром страсти
душу вымой,—
Жар, такой же негасимый, я в других, мой друг,
не видел!

* * *

Пойдем-ка в винный погребок и пить там снова
будем,
Вкусим из кубков пряный сок — хмельней
хмельного будем!

Для любящих заветный дом — питейные трущобы,
И мы теперь туда пойдем — искать там крова
будем.

Одних вино ввергает в бред, а нам — дарует
разум,—
Зачем же мы, что разум — вред, считать бредово
будем!

Взыскуем шаха всех времен мы в нищенской
юдоли,—
Скитальцами глухих сторон мы, право слово,
будем.

Радетели любви одной, в пути к заветной цели
Мы будем помнить взор хмельной — ждать его зова
будем.

Неизреченна благодать всесущего владыки,—
Что ж ее счетом исчислять мы бестолково будем?..

Тот лик горит, всё пламеня, — сжигает, не стораю,—
Мы мотыльками у огня мелькать пунцово будем.

Ты трезвым, умным не зовись, а будь хмельным
безумцем,—
Себя мы лучше, как Хафиз, корить сурово будем!

* * *

На порог твой прихожу я оробело каждый миг,
Стоны к небу возношу я то и дело каждый миг.
И зачем в саду багряном кипарисы видеть мне?
Очарован твоим станом я всецело каждый миг.

Птица сердца, умирая от томленья по тебе,
Чтоб взглянуть на древо рая, ввысь летела
каждый миг.

Твои стрелы все жесточе поражали мою грудь,—
Кровь сочило через очи мое тело каждый миг.

Тщетны были все старанья позабыть твой
чудный лик,—
Видеть тебя вновь желанье мной владело
каждый миг.

Вспомню я уста-рубины — рвется дух из тела прочь,
И пыланию кручины нет предела каждый миг.

Тайну уст твоих незримых лишь узрев в мечте,
Хафиз
Таает сам в мечтах, таимых онемело, каждый миг.

* * *

Нет, ты не дашь мне быть твоим рабом безгласным,
знаю:

Умру, рыданьями томим, в стыде всечасном, знаю.

Рыдал я ночью, раб тщеты, у твоего порога,—
Увы, бесстрастно внемлешь ты стенаньям
страстным, знаю.

И, если, страстью упоен, паду я даже мертвым,
Из сердца вырвавшийся стон будет напрасным,
знаю.

Твой раб, я немощен и хвор,— ты ж на меня
не смотришь,
А глянешь — злобным будет взор и безучастным,
знаю.

Я жду разящих стрел твоих, пронзающих мне душу,
А ранен ими, нем и тих, умру несчастным, знаю.

Рассветный ветер долетел от моего кумира —
То моей жизни дан предел вельнем властным,
знаю.

И если ты, Хафиз, зачах, соперниками мучим,
То значит: милостив был шах со мной,
злосчастливым, знаю.

* * *

В дом души моей приди, кипарис мой
прямостванный,
Чтоб душе моей в груди быть вдвоем с душой
желанной.

Сжатое рукой скорбей, как бутон, зардело сердце,
О, приди, печаль развей, мой цветок благоуханный.

Жала бедствий и разлук ты вонзаешь в мои очи,
Но они не шлют мне мук, а живут красой
рейханной.

В сад ли я, тоской объят, выйду или в дол
пустынный,
Ты мне — степь, и ты — мой сад, мне в мученье
небом данный.

И что за беда мне — соперников месть? —
Лишь беды и муки — друзья горемык.

К дверям твоим павший безгласно во прах,
Был попран тобою жестоко я вмиг.

Когда бы Хафиза ты другом звала, —
Он дружбу всех в мире душой бы постиг.

* * *

С мольбою паду я к михрабу бровей, —
Безжалостный друг мой, меня пожалей.

Свечою горю я от страсти к тебе,
Но тщетно: не внемлешь ты муке моей.

И ласки твоей я и милости жду, —
Лишь ты мне — опора в юдоли скорбей.

Вдохнет в меня душу родник твоих уст,
И жизнь мне дарует твой стан-чудодей.

С тех пор, как увидел я дивный твой лик,
Душа не лежит ни к кому из людей.

Мне пальм и самшитов не надо вовек:
Твой стан-кипарис всех дерев мне милей.

Хафиза Аязом своим назови —
И стану Махмудом я волей твоей.

* * *

Прекрасен облик твой — он краше сада мне,
А стан твой неземной — очей услада мне.

Мне в сердце свет проник от твоего чела,
Светлей луны твой лик — он светоч взгляда мне.

Мне любви уст твоих незримые черты:
Люблю я тайно их, и в том — отрада мне.

Ах, как меня томят рубины сладких уст:
Мне кровью застит взгляд, — пришла б пощада мне!

Всю жизнь мою готов я за тебя отдать, —
Богатства двух миров — за то награда мне.

Ты верность не блюдешь, обеты руша сплошь,
Обетов твоих ложь отравней яда мне.

Хафизу б жертвой лечь под твой разящий меч, —
Об этом клятву в речь вложить бы надо мне.

* * *

Твои мне кудри сеть силков плетут, —
Душа, как сокол, — вся во власти пут.

Твой стан — «алиф», и «лям» его обвил, —
Не так ли твои кудри кольца вьют?

И сердце разве обрело б покой,
Когда бы не был в нем тебе приют?

Очей и уст, и губ сколь сладок вкус, —
Миндаль, фисташка, жженный сахар тут!

О, сколько розоликих в мире есть,
Но стан твой — роза, это чудо чуд!

И ежели Хафиз падет во прах к заветному порогу,
Его и слава и почет да расцветут весенним лугом!

* * *

На небосводе красоты твой лик — как полная луна,
Там, где красой сияешь ты, краса Юсуфа
не красна.

И если ветер донесет весть о свидании с тобой,
Влюбленный розою цветет — вся грудь его
уязвлена.

И разве диво, что и мне красой ты озаряешь взор,
Ведь даже солнцу и луне тобою красота дана.

И муэдзин, и сам имам забудут кыблу и михраб:
Твоим бровям, твоим очам молитва их посвящена.

Где равный лику твоему найдется светоч на земле?
Ведь солнце посрамляет тьму всегда, в любые
времена.

И в целом мире взор ничей перед тобой не устоит:
Подернут взор твоих очей завесою хмельного сна.

Твой багряные уста хмельною сладостью томят:
Пред нами меркнут от стыда и красный цвет и
хмель вина.

Твои уста меня казнят и кровь моих рыданий
пьют, —
Спрошу «За что?» — и виноват: и за вопрос —
на мне вина.

О, если бы Хафиз сумел спросить о тайне
твоих губ,—
Всему обрел бы он предел, испив желанное до дна.

* * *

О, пусть исхода гнету мук в моей душе больной
не будет:
Они лишь — моим бедам друг, мне милости иной
не будет.

Страданья сердца и беда с моей больной душой
сдружились,—
Никто другой и никогда делить невзгод со мной
не будет.

И кто пыланью своему собрата ищет — друга
страсти,
Пусть, кроме мук и бед, ему опоры ни одной
не будет.

Влюбленный, как он ни радив, на свете не найдет
участья,
Ничто ему, как ни правдив, защитною стеной
не будет.

И, если средь мирской тщеты не станет жертвой
он мученьям,
Ему и дара доброты в юдоли сей земной не будет.

Будь, о Хафиз, страданьям рад, тебе любимую
даримым,
И пусть тебя ярмом утрат гнести никто иной
не будет.

Пусть в сладости твоих речей таких медвяных слов
не будет,

Из-за которых у сластей и вкус и цвет дешев
не будет.

Ты властью алых губ своих возьми мою живую
душу,—

Пусть у души моей иных похитчиков-врагов
не будет.

Влюбленным этот жребий люб: губами ты их души
губишь,—

Пусть им отплаты, кроме губ, чей сладкий вкус
медов, не будет.

И если о твоих устах я всем скажу, что я их
видел,—

О том, что ложь в моих словах, мне лгать и
пустослов не будет.

Не любо ли тебе, ответь, улавливать влюбленных
в сети?

Пускай же для попавших в сеть кровавым твой
улов не будет.

Как золото, я душу в дар рассыпал пред тобой,
и тщетно,—

Но пусть твоему сердцу кар за зло его грехов
не будет!

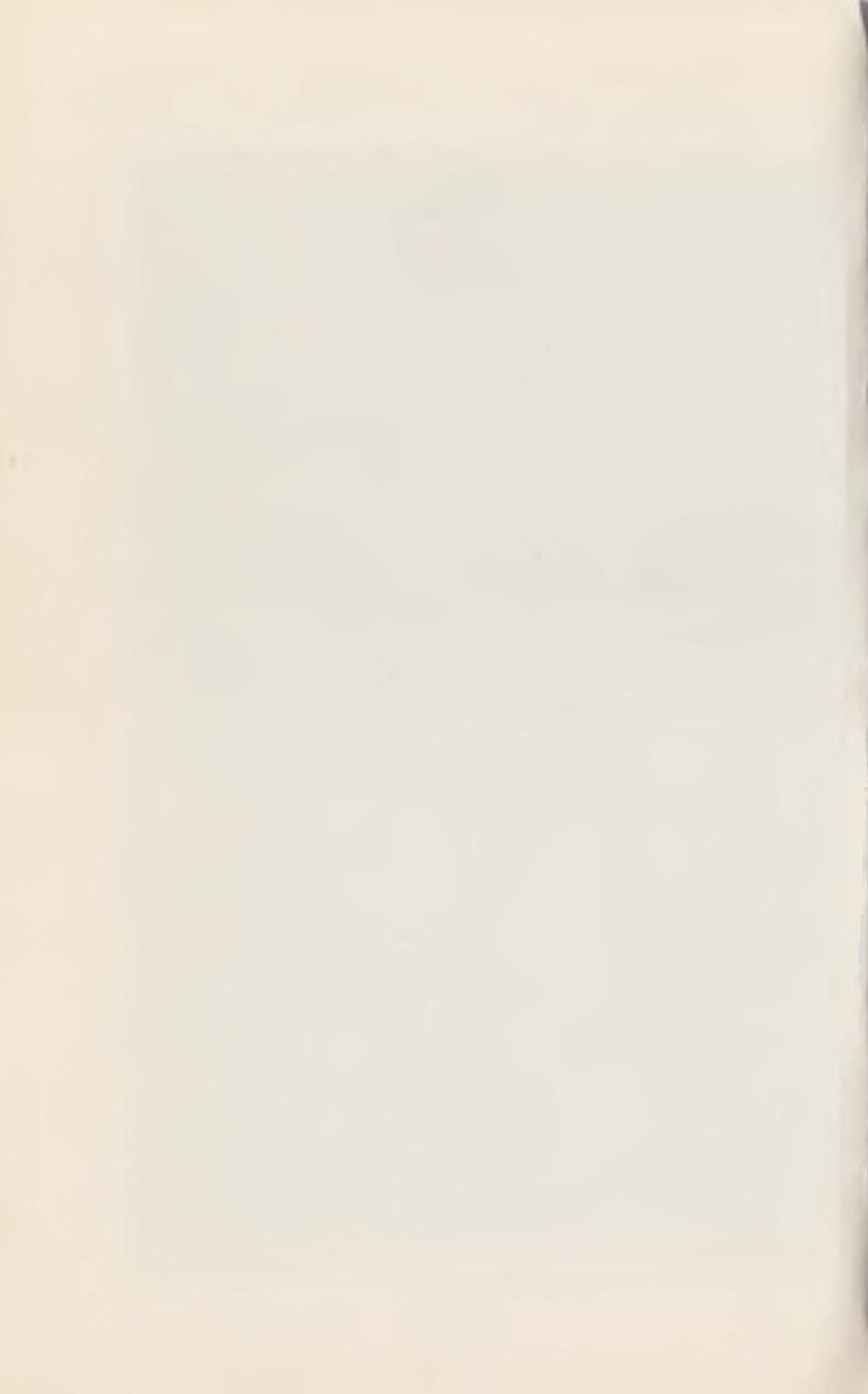
Жесток извив твоих кудрей — они измучили мне
душу,—

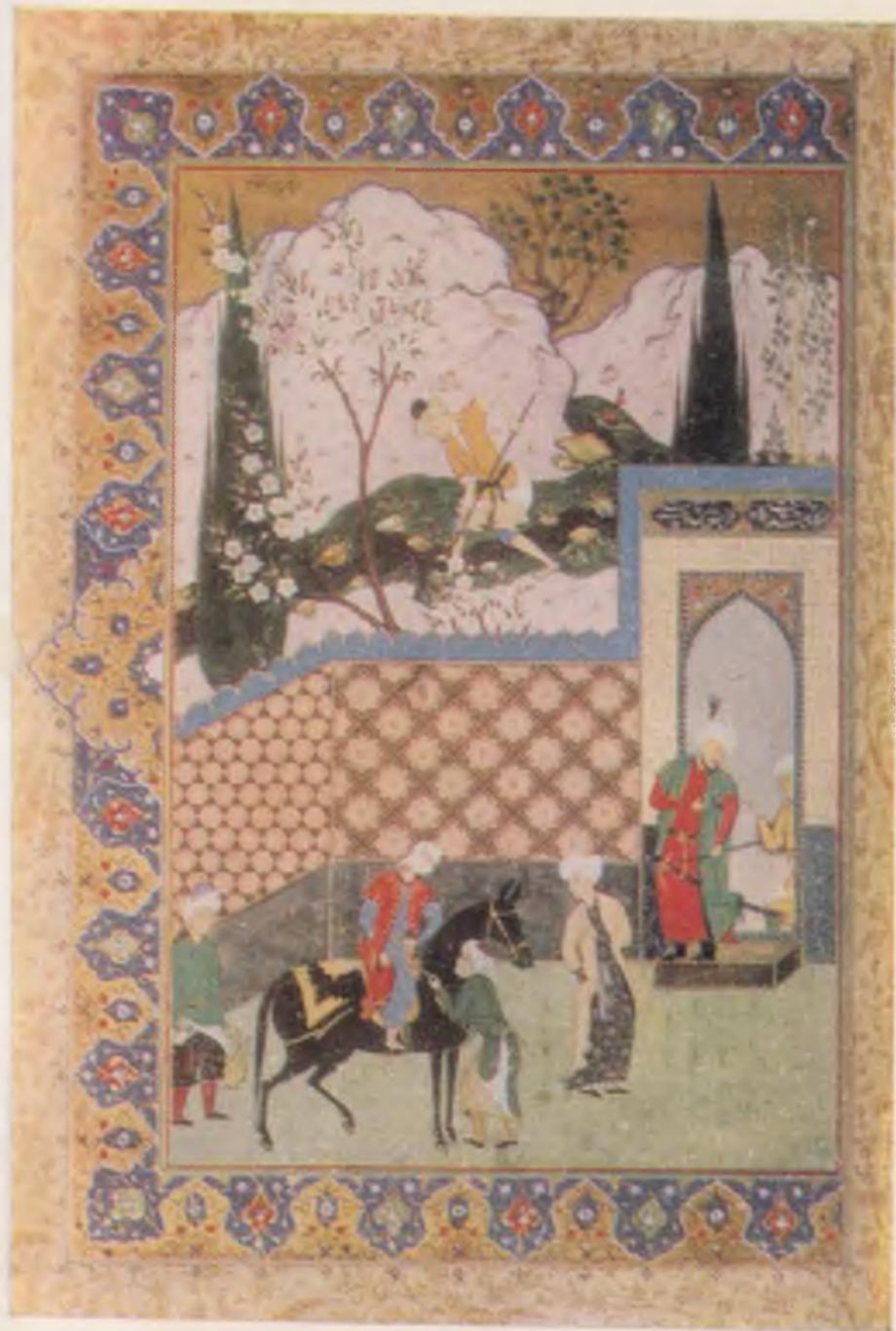
Пускай ловить таких же змей у клада змеелов
не будет.

در این مجلس از آن آید
که صدای سحرآمیزی

فرخنده در این مجلس است
که هر که در مجلس است

В жилища всех людей земных да не войдет злой
дух той перн,—
Тогда потребности у них в заклятьях колдунов
не будет.

О, точка уст твоих — беда: Хафиз, как циркуль,
закружился,—
Пускай никто и никогда свершать таких кругов
не будет.

* * *

Без солнца твоего чела светить мне и луна
не будет,
В саду, где роза не цвела, песнь соловья звучна
не будет.

Скажите той, что жжет меня огнем мучительной
измены:
Полночным светочем огня пусть для других она
не будет.

И пусть, огонь свой не туша, она клеймит мне
мукой душу,—
Я все стерплю, но пусть душа разлукой клеймена
не будет.

Ты лишь уйдешь — и небеса весь мир мне
превратят в былинку,
О солнце, пусть твоя краса вовек утаена не будет.

И, сколько б ни было, как ты, сердца смущающих
красою,
Пускай на троне красоты другому власть дана
не будет.

И пусть, сокрыв свой алый лик, кумир мой
не хитрит двулично:
Взрыдаю я — и разве вмиг земля обагрена
не будет?

Нельзя туда, где сад возрос, тебе входить
с открытой грудью:
Ужель и лучшая из роз тобой посрамлена
не будет?

Сто тысяч душ ты ловишь в сеть кудрей своих
благоуханных, —
Как на базарах дешеветь у мускуса цена не будет?
Глаз нечестивицы страшись, не вспоминай о них
вовек, —
Пусть твоя вера, о Хафиз, набегом сметена
не будет.

* * *

Меня ты — что ни миг — увы, клеймишь наветом,
Разлад во мне возник с собой и с целым светом.

Любовью одержим, тебе я отдал душу,
Но не со мной — с другим ты связана обетом.

Я больше не могу терпеть твои обиды, —
Безвинного слугу не даришь ты приветом.

Душа полна заноз от кар твоих жестоких, —
Зардел мой взор от слез, увы, кровавым цветом.

Жемчужина моя! Я — щедрый покупатель,
Но на торгах не я хозяин самоцветам!

Я сам себя спалил в огне моей печали,
Но даришь ты свой пыл льстецам, тобой
пригретым.

Хафиз сгорел совсем от мук твоих укоров,
И ты — только зачем? — преуспеваешь в этом.

* * *

В тот миг, когда ты пьешь вино на пиршестве
с другим, увы,
Все мое сердце сожжено — печалью я томим, увы.

И чем больней и горячей огонь измен в душе моей,
Тем горше слез моих ручей, больней очам моим,
увы.

И диво: мукою такой, о ты, души моей покой,
Терзаешь душу день-деньской — тобою я гоним,
увы.

Молю я ласк и доброты — не внимлешь любящему
ты,
И все надежды отняты — ты мучишь гневом злым,
увы.

Ни грех неведом, ни изъян тебе, тюрчанка дальних
стран, —
Какой ты ни свершишь обман — он мною не судам,
увы.

Придешь — не уходи хоть раз: ты — жизнь моя,
а я угас.
Ведь жизнь уходит что ни час, — зачем же мы
спешим, увы?

Хафиза губишь ты огнем, и в сердце у него —
пролом;
Ты гневно рушишь ветхий дом, а гнев твой
нерушим, увы!

* * *

Ты — роза в кущах красоты, цветок
обворожительный:
В смущенье ввергнуты цветы твоей красой
пленительной.

А попугай души охоч отведать твоих сладостей:
Рубины уст твоих — точь-в-точь как сахар
искусительный.

В предсмертной муке я поник — живой воды
испить бы мне,
Твой уста для горемык — родник воды целительной.

Не попрекай меня виной, что я тебя душой зову:
Что ни скажу я — ты со мной, душа, мой дух
живительный.

Есть в кущах сада для утех самшиты с кипарисами,
Ты ж, кипарис мой, — лучше всех красую
обольстительной.

Ты — солнце, и в лучах вокруг, как пыль, кружат
красавицы, —
Все люди тебе — вместо слуг, а ты — султан
властительный.

Хафиз, всем людям всех времен я дан
на удивление:
Скажи мне, чем ты сам смущен — какой красой
смутительной?

* * *

Зачем так зло меня казнишь ты разлученьем
скорым,

Зачем других друзьями чтить — идешь к ним
с разговором?

О, как тяжко мне в разлуке от кровавых слез,—
Слезы — словно дождь ненастный,— ты куда
идешь?

Сласти уст твоих желает попугай души,—
Чудо речи сладкогласной, ты куда идешь?

Стан твой стройный, чаровница,— словно
Судный день,—
Стонет мир в тоске всечасной,— ты куда идешь?

Уж невмочь терпеть Хафизу муки от тебя,—
Слышен стон его стогласный: «Ты куда идешь?»

* * *

Луноликое чудо, ты — краса во плоти,
Ты достойна причуды всех томить и гнести.

Твои очи безмерно и мертвят и живут,—
Кем, верна и безверна, правишь ты,— возвести!

Твои очи лукаво мечут стрелы в меня,—
Мучусь, плача кроваво на твоём я пути.

Луки-брови прицелом взводят стрелы ресниц,—
Жертва я твоим стрелам,— тетиву отпусти!

Меня речью злонравной не кори, о мой свет,—
Меж людьми тебе равной мне вовек не найти.

Сердце! Волею страсти ты дотла сожжено,—
Не страшись ее власти — сам огонь воплоти!

Ты мне — жизнь, все земное,— о, приди, погуби:
За мой пыл не враждою — дружбой мне отплати!

Лик твой — светом залит он, а Хафиз — мотылек,
Не сгорая, горит он — сам огонь во плоти!

* * *

С тобою я, несчастный, — с любимой моей,
Но мукой ежечасной ты мучишь все сильней.

За горестные слезы беднягу не стыди:
Ты — краше вешней розы, я — бедный соловей.

Польстить умеешь мне ты — лукаво обмануть:
Воруешь самоцветы ты из души моей.

Пройдись же предо мною, о стройный кипарис, —
Красою неземною порадуй взор скорей.

Чужда ты состраданию к мученьям бедняка:
Умчалась быстрой ланью в родную ширь степей.

О, если б ты прогнала соперников моих, —
Скрой, роза, свои жала — о, сжался, пожалей.

Молю я как о чуде: Хафизу верной будь,
Да ведают все люди о верности твоей!

* * *

Я от разлуки изнемог, — ты ж о болящем и
не спросишь,
Всю грудь я ранами иссек, — ты ж о скорбящем и
не спросишь!

Раб на торгах любовных мук, я жалок, ты ж горда
красою,
И — что с беднягою, недуг и боль таящим, и
не спросишь.

Стенаю ночью я и днем, влачась у твоего порога,
Но ты о бедствии моем, меня томящем, и
не спросишь.

Я золото души больной во прах у твоих ног
рассыпал,
Но ты — с другими, — что со мной, в пыли
лежащем, и не спросишь.

Во прахе я влачусь в мольбе — о, заступи мой
прах столою,
Ты ж, милый друг мой, о рабе своем пропащем и
не спросишь.

Мне сокровенную мечту таить в страданиях
велишь ты,
А что со мною, тайну ту в себе хранящим, и
не спросишь.

Дано мне, как Хафизу пасть в любви моей
неугасимой,
А ты о друге, свою страсть тебе дарящем, и
не спросишь!

* * *

Цветника души отрада, кипарис мой ладный,
где ты?
Соловьиный стон из сада возношу я страдный:
«Где ты?»

Я сожжен тоской щемящей, я дотла спален
разлукой, —
Сердце мукой мне палящий пламень мой
пещадный, где ты?

Песней, горестно поющей, одинок, тебя зову я, —
Милосердие несущий, мой родник усладный,
где ты?

В муках страсти изнывая, веру в бога я утратил,
«Чаровница,— я взываю в муке беспроглядной,—
где ты?»

Вялой розой — все бесцветней — в безнадежности
я стыну,—

Не казни, о зной мой летний, стужей
листопадной,— где ты?

Без тебя, меня казнящей, рвется прочь душа
из тела,—

Жизнь мне долгую дарящий светоч мой отрадней,
где ты?

Всех времен Махмуд всевластный! Снизойди, молю,
к Аязу,—

Слышишь зов Хафиза страстный, стон его
надсадный: «Где ты?»

* * *

Я вышел в путь любви, и с тех времен
Стал сам не свой и страстью изнурен.

Теперь не ждите от меня ума:
Я одержим, вином любви хмелен.

О черноте смутивших меня глаз
Скажу я всем, кто, как и я, влюблен.

Ту пери я хотел приворожить
И, ворожа, стал сам заворожен!

Я клад своей любви хотел сыскать,
И стал скитальцем я глухих сторон.

Как ни горю, мне не сгореть вовек:
Люб мотыльку заветный свет пламен.

С тех пор, как стал я подданным любви,
Веленья шаха для меня — закон.

Навек мой идол в сердце у меня,—
Я в капище судьбою превращен.

Я, как Хафиз, совсем забыл мечеть:
Гуляка, я иду в хмельной притон!

* * *

Я лику твоему рабом безгласным стал,
И одолел я тьму — как солнце, ясным стал.

Увидел я твой лик — прекрасных роз цветник,
И — радость я постиг: как роза, красным стал.

Узрел я, как румян твой лик — и ал, и рдян,—
И сник я, как тюльпан,— совсем несчастным стал.

Мне благо — твой привет: я скинул бремя бед,—
Счастливым я, мой свет, в величье властном стал.

Знай, жертва я твоя, не знать мне бытия:
До Судной смуты я рабом злосчастливым стал.

Я всей душой влюблен,— где ты, краса времен,
И где я сам? Мой стон, увы, напрасным стал.

О, как красив твой лик, владыка всех владык,—
Я, как Хафиз, поник — рабом безгласным стал.

* * *

О, мне увидеть бы скорей ту пери неземную,
Хотя в силках ее кудрей я мучусь и ревную!

Когда и солнцем и луной тот лик мне не сияет,
Она кудрями надо мной сгущает тьму ночную.

Душе, израненной от бед, лишь милый друг —
лекарство,
Но беды есть, а друга нет, и мук я не миную.

Я стану, как тюльпан, кровав, томясь по этой розе:
От страсти ворот разорвав, грудь обнажу больную.

Паду я к пери на порог, но нет мне снисхожденья:
Пока я кровью не истек, ее я не взволную.

Как я хотел бы не рыдать, не лить потоком слезы!
И как вернуть мне в сердце вспять слез реку
кровяную?

Чтоб слез моих поток затих рубиново-жемчужный,
Увидеть бы мне губ твоих жемчужину цветную!

В кудрях твоих — во мраке бед неволю терпит
сердце,
Но я узрю и веры свет — чела зарю дневную.

Хафиз тебя узрит — и что ж? Он сам не свой
от страсти, —
Но где ж тебя, увы, найдешь — негодницу
шальную!

* * *

Я в печали многодумной об избраннице любимой,
Для себя я — вроде умный, для других я —
одержимый.

Сам терплю я плен покорно — не взлететь мне
вольной птицей, —
Сам себе рассыпал зерна в западне неотвратимой.

Я с друзьями, не робея, как и прежде, был бы
друзен,
Только чужд и сам себе я, сам — собою я гонимый.

Тот, кто любит, и в разлуке душу погубить не хочет,
Ну а я в душевной муке чужд душе, во мне таймой.

Остриями мук и слез я грудь свою разъял
на пряди, —
Мог бы гребнем стать для кос я моей пери
несравнимой.

Я ищу тебя повсюду, словно суфия-скитальца,
Хмель я пить в притоне буду, мне гуляками
даримый.

О Хафиз, ты и в мечети занят чтением корана,
Ты и за любовь в ответе, пьян от страсти
нестерпимой.

* * *

Милый образ во мне живет — душу он и мучит и
гложет,
Но в торгах любви не доход, а убыток душе
поможет.

Все, кому ни был верен я, мне платили безмерной
мукой,
Век мой — горькая жизнь моя — без участия и
счастья прожит.

Безучастен, мой милый друг на страданья мои
не глянет, —
Разве он меня в доле мук милосердием обнадёжит?

И стало все вокруг светлей от лика твоего,
А я страдал во тьме кудрей, безумьем обуян!

Нет у меня иных даров, кроме моей души,—
Я жизнь отдать тебе готов,— душа горит от ран.

И, если на хоремзский лад Хафиз не сможет петь,
В его напеве прозвучат Хиджаз да Исфаган.

* * *

Неужель не вспомнешь обо мне, изможденном,—
Светом в сердце не станешь, от обид сокрушенном?

Что тебе за отрада меня мучить до смерти,—
Разве в боли разлада — меньший вред
разлученным?

Я томлюсь ожиданьем — жду письма черноокой,—
Неужели посланьем не почтит благосклонным?

Кровь ручьями струится из очей моих ныне,—
Не довольно ль глумиться над несчастным
влюбленным?

Мучить все дерзновенней меня любо любимой,—
Разве мало мучений мне в страданье бездонном?

Я тоскую по милой, но любимой не мил я,—
Не жестока ль, помилуй, ты со мною, сраженным?

Мука пленной неволи стала в тягость Хафизу,—
Трудно доброй быть, что ли, с бедняком
изнуренным?

* * *

Шербет твоих сладчайших уст вкусить душе моей
желанно, —
Почуять попугаю вкус любимых им сластей
желанно.

Смертельный душу жжет недуг, к твоим устам
стремится сердце, —
Отведать гибнущим от мук живой воды скорей
желанно.

И если на пути любви я стану прахом, —
что за диво?
Законы у любви свои: губить влюбленных ей
желанно.

Известное присловье есть: «Питать желанье
не зазорно», —
Свершение любви обрести мне уже много дней
желанно.

И не стыди меня, о друг, за то, что жажду я
свиданья:
Познавшему всю боль разлук лечиться от скорбей
желанно.

Терплю печаль разлуки я, и это нестерпимо больно,
И пусть не будет вам, друзья, печаль в любви
своей желанна!

Не диво, о Хафиз, что жду я мига чудный лик
увидеть, —

Мне возле розы млеть в саду и петь, как соловей,
желанно.

* * *

Лишь заалел твой лик — зардело сердце ало,
Душа, как птица, вмиг в силки кудрей попала.

Где кудри — словно сеть, а родинки — приманка,
Влюбленным — не взлететь, сердца их никнут вяло.

Поверь, красу твою тень родинок не портит:
Под сенью куц в раю птиц черных есть немало.

На твой прекрасный лик когда дурные глянут,
От ран сникая вмиг, душа скорбит устало.

Любимая вошла мне в сердце через очи —
Глушь дальнего села сияньем заблестала.

Влюбленных никогда возлюбленной не жалко:
Душой она тверда, как будто горы-скалы.

Хафиз тоской объят, и кровью льются слезы,—
Увы, его язвят твоих издевок жала.

* * *

Мне от любимой — лишь беда: душой я изнемог,
увы,
У ней ко мне — одна вражда: я от нее далек, увы.

Твои незримые уста напрасно тщился я сыскать,
В разбитом сердце — пустота: я их найти не смог,
увы.

И разве я один, больной, томлюсь в плену
твоих кудрей:
Какой душе — хоть бы одной — в них не сплетен
силок, увы?

С тех пор, как я узрел твой лик, и сад мне чужд,
и чужд цветник:
Лихая доля горемык — к садам не знать дорог, увы.
Отшельник в хижине своей блаженства не сумел
познать:
Его зуннар твоих кудрей в неволю не завлек, увы.
Страдаю я с тобою врозь — даруешь негу ты
другим, —
Каких познать мне не пришлось из-за тебя тревог,
увы!

Хоть ты красою и горда, но для других ты
не чужда,
А верный твой Хафиз всегда и сир и одинок, увы!

* * *

О таинстве любви и страсти сказать простой язык
не может,
О солнце, даже в малой части, поведать тусклый
блик не может.

Любого оплетают путы, когда любовь душой
владеет:
Преодолеть любовной смуты никто из горемык
не может.

В пути любви свои порывы влюбленный с верностью
сверяет,
Душа и ум его правдивы: хитрить он не привык —
не может.

Во мне, любовью опьяненном, сто бедствий и
скорбей гнездится:

Любовь бедой не быть влюбленным ни на единый
миг не может.

Всех подчиняют своей власти любовью
скованные цепи, —
Сей мир, подобных мукам страсти, создать иных
вериг не может.

Любовь вселенной правит всею и властвует
над этим миром:
Свершить свершаемое ею никто из всех владык
не может.

И диво ли, что маловерам урок любви Хафиз
внушает:
В любви для всех не стать примером примерный
ученик не может!

* * *

Ах, я на свете одинок — друзей со мной
не видно,
И тех, кто порадеть бы мог душе больной,
не видно.

Увы, не стать счастливым вдруг мне в этом
мире бренном,
Людей, что мимо бед и мук шли стороной,
не видно.

Разбил мне сердце грозный рок и разметал
на части,
А кто бы вылечить помог недуг дурной —
не видно!

Жестокой сердце отдал я, ее кудрями спутан, —
Запутавшейся, как моя, души иной не видно.

От той, что выше всех владык, пришла весть
о разлуке,
И стало мне, увы, в тот миг весь мир земной
не видно.

Влачась у брениности в плену, любви ты
не познаешь:
Дорог в предвечную страну там ни одной не видно.

Хафиза ввергла ты во тьму, отняв все силы
сердца,
И красоты твоей ему, столь неземной, не видно.

* * *

В садах самшит, с тобою схожий —
столь же пленительный, не сыщешь,
Нигде красы такой пригожей и восхитительной
не сыщешь.

Во всей вселенной необъятной немало сахара
найдется,
Но, как уста твои, приятный сок усладительный
не сыщешь.

О, многие искали чести твой несравненный стан
увидеть, —
Кушак и пряжка — всё на месте, а стан
томительный — не сыщешь!

И диво ли, что завихрила меня ты, словно сонм
пылинок?
Кружиться им в лучах светила — их путь
стремительный не сыщешь.

И я теперь за все в ответе — ты стрелы в мою
душу мечешь, —

Такой, как ты, нигде на свете другой смутительной
не сыщешь.

О тайне сердца сокровенной, узрев тебя,
не рассказать мне:

Увидишь лик твой несравненный — ответ
внушительный не сыщешь.

Меня страшит твой взор безверный — он мне
грозит жестокой карой, —

Хафиз, ты в муке беспримерной судьбы
спасительной не сыщешь!

* * *

От уст любимой мне пришло спасенье —
Больному сердцу благо исцеленья.

Убог и одинок, весь изнемог я,
Но исцелил Лукман мои мученья.

И, как Якуб, томился, ждя Юсуфа, —
И он ко мне явился, как виденье.

Несчастный, я страдал в кромешном мраке,
Но вот луна взошла под горней сенью.

Шипы печали сердце мне пронзили,
Но роза шлет от них мне избавленье.

На людях ты к соперникам сурова,
А тайно — у тебя они в почтенье!

Хафиз, теперь с тобою твой властитель, —
Надень скорее пояс услуженья!

* * *

Ты сердце мое томных глаз лукавою игрой
прельстила,
И честь и веру я не спас — меня ты ворожкой
прельстила.

И странно ли, что в сеть кудрей ты залучила
мое сердце?—
Ты много жертв любви твоей, обманутых тобой,
прельстила.

Как я души сдержу порыв, твоим устам себя
отдавшей?
Ее, стократ перехитрив, ты властью колдовской
прельстила.

Соблазнами мирской тщеты моей душе
не обмануться,—
Ее столь милостиво ты своею добротой прельстила.

Что ж удивительного в том, что я взрыдал,
твой лик увидев?—
Меня, как мотылька огнем, твоею красотой
прельстило.

О соловей, душа твоя могла бы не достаться
розе,—

Обманом роза соловья весеннею порой прельстила.

Мне за стихи моя краса и сердце отдала и душу,—
Хафиз, ну что за чудеса: красавицу строкой
прельстило!

* * *

И томлюсь, увы, без милой,— хоть бы верный друг
нашелся,
Друг моей судьбы унылой хоть один бы вдруг
нашелся.

Любо мучить ей, красивой, пыткой меня жестокой,
А в ее душе счастливой хоть бы признак мук
нашелся!

Пылкой страстью обуйный, я, как соловей,
стенаю, —
Где бы мне цветник желанный или вешний луг
нашелся!

Я в мученье моем тайном верен был моей
любимой, —
Верный друг моим бы тайнам в лютой тьме разлук
нашелся!

Жизнь свою я отдал даром на торгах любви
желанной, —
Покупатель бы товарам всех моих доук
нашелся!

От ее кудрей мрачней, я мечусь, как одержимый, —
Мне аркан бы попрочнее, и упруг и туг, нашелся!

О Хафиз, я в муке страстной плачу у дверей
заветных, —
Если бы султан всевластный для моих послуг
нашелся!

* * *

Скажите, где счастливец тот, кого любовь
приблизит к счастью,
Кому она блаженство шлет, ответною даруя
страстью?

Скажите, где в долине бед, во мраке бедствий и
мучений
Надежный пролагают след к обету верности,
к участию?

Скажите, где найдется тот, кому из сада единенья
Весна благоуханье шлет, навеки чуждое ненастью?

Скажите, в ком судьба моя пробудит ревность
или зависть,
Когда в кудрях любимой я — закован в цепи ее
властью?

Скажите, где тот чудный миг, когда в блаженстве
единенья
Я радость хмеля бы постиг, не знаясь никогда
с напастью?

Скажите, кто Хафизу — друг, дарящий благо и
отраду
И не гнетущий игом мук -- хотя бы малою
их частью?

* * *

Увы, мне от моей прекрасной — мука,
Мне мой соперник сладкогласный — мука.

С тех пор я мучусь, как ее увидел,
Мне боль, что я сношу, несчастный, — мука.

Лишь изредка ее увидят очи,
И в сердце — рана скорби страстной — мука.

Хоть соловей не сетует на розу,
Но гнет ее шипов ужасный — мука.

И даже в миг, что к мукам непричастен,
Мой жребий, к тайне тайн причастный, — мука.

И если даже превращусь во прах я,
Терзает и мой прах злосчастный мука.

Но ежели Хафиз твой стан увидит,
То значит — не была напрасной мука!

* * *

Ты косы по стану распустишь задорно —
И скован я стану: душа им покорна.

С покорной мольбою любому самшиту
Во прах пред тобою упасть не зазорно.

На лице палящем — рой родинок смуглых, —
Так в горне горящем кудесник жжет зёрна.

С венцом сладкоречья сравню твою речь я:
Вся речь человечья не столь животворна!

Слова тебе любви, что слаще услады, —
Как мед — твои губы, — скажу непритворно.

Не диво, что столь я тобою унижен:
Дитя своеволья, грозна ты и вздорна.

Хафиз безответный, больной, неприметный,
У двери запретной лежит беспризорно.

* * *

Горько плачу я без милой: «О моя отрада, где ты?»
Друг всеведущий, помилуй, сердце знать бы радо:
где ты?

От любви, меня пленившей, ум и разум
я утратил, —
Душу страстью опьянивший хмель мой и услада,
где ты?

В сердце суждено вонзиться горестным шипам
разлуки, —

Грустный соловей томится: о цветенье сада, где ты?

О, когда же я остыну от кровавых мук разлуки?

Лань, нашедшая долину, где сладка прохлада,
где ты?

Я, томясь бессонным плачем, твои очи жажду
видеть, —

Ты очам моим незрячим — свет и светоч взгляда, —
где ты?

На торгах любви желанной я, обманутый, рыдаю:

Где товар мой безобманный, — мне тебя лишь
надо, — где ты?

Болтовнею лицемерной о любви толкуют люди, —

О Хафиз, где друг твой верный, — за любовь
награда, — где ты?

* * *

На свете где найдешь столь дивный лик? — скажи,
Какой с тобою схож маг-чаровник? — скажи.

Удел высокий дан тебе в стране души, —
Где есть такой султан среди владык? — скажи.

Поверь: любовь твоя мне исцеленье даст, —
Найду ль лекарство я хоть в смертный миг? —
скажи.

Цвет твоего лица румян от слез моих, —
Не дар ли от творца мой стон и крик? — скажи.

Для Хафиза краше сада — прах у ног твоих,
А нных садов прекрасных не сыскать вовек.

* * *

Мне не свидеться, о боже, с той, что сердце отняла,
С той, что мне всего дороже, но обманчива и зла.

Пал во прах бы перед нею, если бы пришла хоть
раз,
Если бы, меня жалея, хоть бы оком повела.

Только вспомню я, как ало розою она цветет,
Жгут меня ресницы-жала, в каждой — словно бы
игла.

Что больнее мук разлуки! Клейма пытки —
мягче их, —
Жги меня в горниле муки, лишь бы только
не дотла!

Мне с моею султаншей ловко поскакать бы
на конях,
И была б моя сноровка и лиха и удала.

Чаровница беззаботно мне прикажет жизнь
отдать, —
Жизнь я ей отдам охотно, чтоб она ее взяла.

Если сердце улетело за красавицей вослед,
Как вернуться сердцу в тело, уж лишенному тепла?

Ты походкой неземною вышла в красочной чалме, —
Кто вдал, чтобы чалмою пери кудри обвила!

У Хафиза на примете стих лишь о тебе одной, —
Донеси сей стих, о ветер, к той, чья мне краса
мила.

* * *

Красивых кличь на этот пир — да будет принят
зов,—
Возрадуй тех, кто нищ и сир — бездольных
бедняков.

Когда вина ты всем нальешь, оставь осадок мне,
А там смотри, кто чем хорош,— кто добр и кто
суров.

О рок! В законах красоты — как в шахматной игре:
Объявишь мат красивым ты, им роя смертный ров.

Не знаю, будешь ли верна, и чем беде помочь,—
Лишь мука мне тобой дана, нных не ждать даров.

Мне от тебя — шипы да боль, а розы нес — другим,
Ты их оберегай и холь, а мой удел тернов.

Звать тебя к вере в бога — вздор, тебе ее не знать:
Для веры гибелен твой взор и для ее сынов.

Хафизу гибнуть жертвой зла судьбою суждено:
Как луки, брови ты взвела — и к смерти я готов.

* * *

И вот я вдруг увидел ту, которой краше нет,—
Очей лукавых черноту и в них — истомы след.

«Я умираю, пожалей!» — в разлуке я стонал,—
«Все чуждое любви твоей забудь!» — мне был
ответ.

Мне от прекрасного чела не отвести очей,
Хотя б и смерть меня ждала за мой влюбленный
бред!

Ах, от меня твой свет далек — он для других
горит,
А как при людях мотылек найдет желанный свет?

Свет солнечной красоты твоей, увы, сокрыла тень:
Твой лик завесою кудрей, как будто тьмой, одет.

Мне в тело душу ты вернешь, о светоч красоты,
Едва красой хоть раз сверкнешь в лачуге моих бед.

Невольник милости твоей, Хафиз расплаты ждет, —
Убей беднягу, не жалея — исполни злой обет.

* * *

Рубины уст твоих узрев и свежесть мускусных
ланит,

Взлелеял я любви посев — слезами щедро он омыт.

Когда твоих бровей извив хотел художник
воссоздать,

Он удивился, сколь красив и облик твой и весь
твой вид.

О люди! Властно тянет вас ко всем соблазнам
благ земных,

Меня ж истома черных глаз сильнее всех красот
манит.

Священна воля мне твоя, я гнев соперников
презрю,

Хотя бы, подневольный, я и был камнями их
побит.

Омыв слезами твой порог, я пыль ресницами
мету, —
Всех подметальщиков дорог я ловкостью ввергаю
в стыд.

С тобой пойду я в путь любой, в любой пойду
пустынный дол, —
О, только не был бы тобой покинут я и позабыт!

Хафизу на твоём пути начертано скитальцем
быть, —
Ты, о мой шах, его прости за то, что верность
он хранит.

* * *

Когда любимую мою, увы, любим другой,
Тогда и я душой — не с нею, и я маним другой.

Канатоходец я незримый на нитях ее кос, —
Зачем же ею, столь любимой, приближен к ним
другой?

Я, к тайнам тайн ее причастный, таил их много
лет, —
Зачем же ею, столь прекрасной, в душе таим
другой?

А иногда свой гнев остудит — забудет про меня,
И мне обидно: ею будет, увы, томим другой!

Меня уста-рубины манят — я страстью изможден,
Но я взревную, если станет от них больным другой.

И, верно, зря сражен недугом за то, что верен был,
Уж если стал сердечным другом теперь твоим
другой.

Хафиз — твой вечный раб безгласный, но вот ведь
диво в чем:
Твоею милостью всевластной любим и чтим другой!

* * *

Тюльпаноликая моя разлукой жжет дотла меня,
Она, как роза соловья, томиться обрекла меня.

Я душу отдал бы тотчас, моей смертельной
муке рад,
Когда бы вспомнила хоть раз она в юдоли зла
меня.

Не с жизнью мне расстаться жаль, а с ней —
любимую моей,
И эта моя скорбь-печаль совсем с ума свела меня.

Стенаю я не по-людски в моем укромном уголке,
И этот стон моей тоски убьет в тиши угла меня.

Как дивно лик ее румян — огнем пылающий
гранат!
Душа, сгоревшая от ран, уже совсем сожгла меня.

Я — словно дикий ветер, — глянь, как я, сбиваясь
с ног, несусь, —
В пустыню мчащаяся лань до смерти загнала меня.

И я бы свою душу спас, Хафиз, искрящимся
вином,

Лишь позвала б она хоть раз, хмельна и весела,
меня!

* * *

Я бы припал к тебе с мольбой, поведал, как я
сокрушен,
Когда б услышан был тобой хоть раз мой
исступленный стон.

И головы не жалко мне — для игрища в човган
отдать,
Когда б тебя я на коне узрел несущейся в разгон.

А если бы хоть раз я смог тебя в объятья
заключить,
Я перлы слез у твоих ног рассыпал бы со всех
сторон.

С тех пор, как сердцем я своим попал в силки
твоих кудрей,
Тоской и мукой я томим, от счастья роком отрешен.

Теперь не ждать уже, друзья, вам воли сердца
моего:
Всю мою волю отдал я любимой с давних уж
времен.

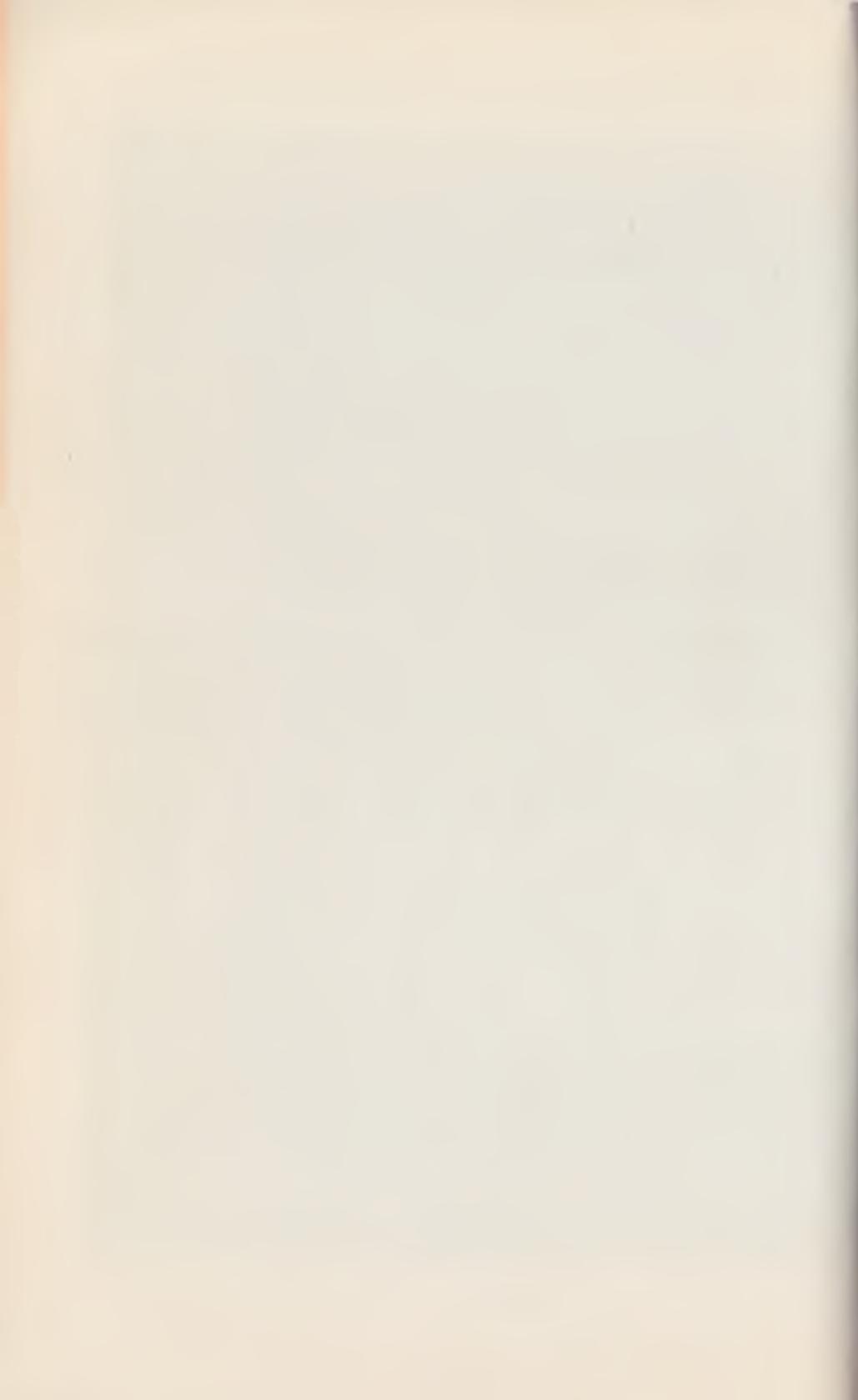
И мне дано в моей судьбе в тот миг, увы,
с тобою быть,
Когда мой жалкий прах к тебе лишь ветром будет
донесен.

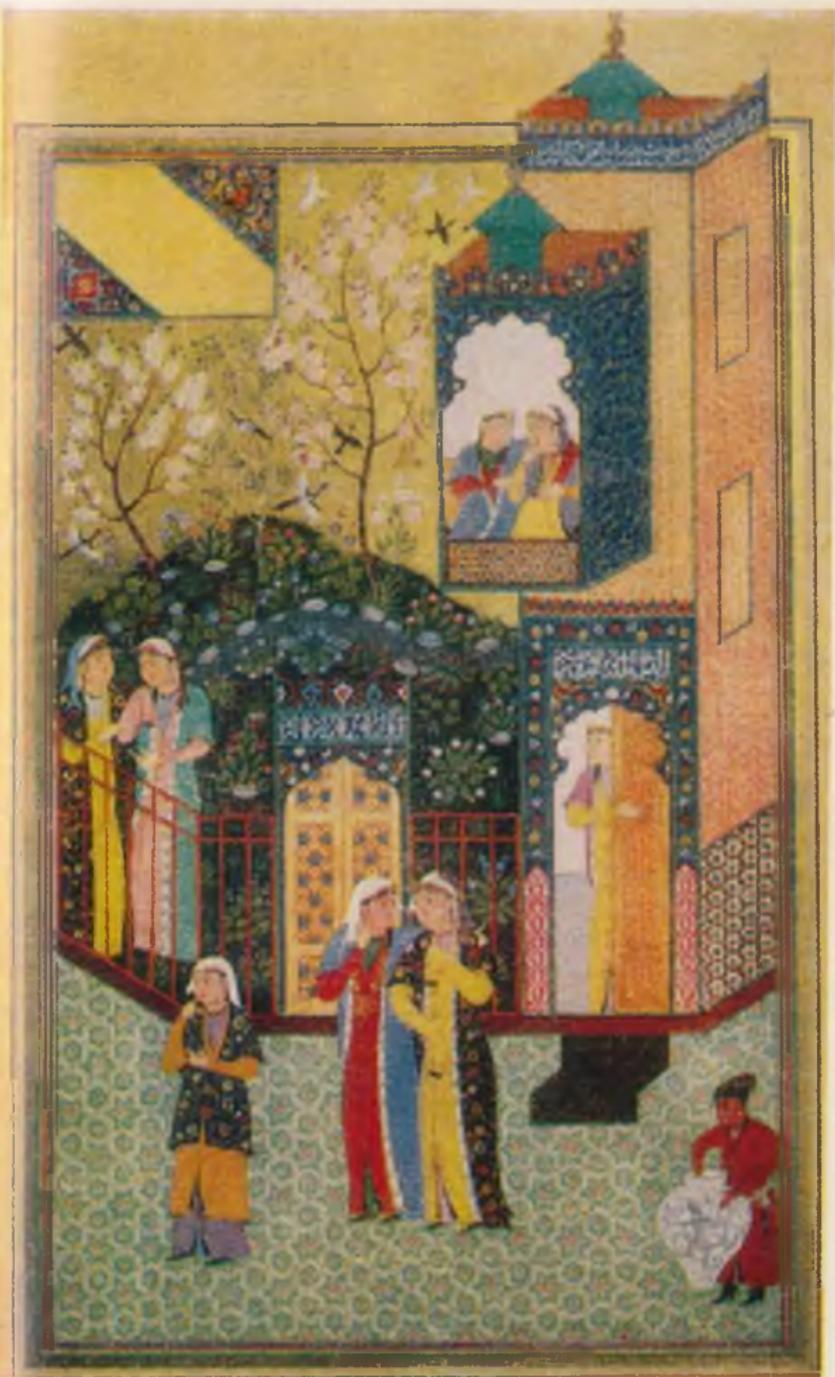
Меня сожгла в огне разлук, Хафиз, любимая моя,
Но боль моих жестоких мук ей незнакома испокон.

* * *

Приподняв покров у лика, ты откроешь алый лик,
И влюбленный — вот улика! — хитрый взор увидит
вмиг.

В Индустане лицам черным нет ни счета, ни числа,
У тебя ж нет счета зернам родинок — их счет
велик!

Колдовскою пеленою кудри распустила ты,—
Не во сне ли предо мною образ колдовской возник?

К меду — такова природа! — прилетают сонмы пчел,
Твои губы слаще меда — мед той сласти не достиг.

Верь же: кажутся мне вздором и самшит и кипарис,
Если виден моим взорам стан твой дивный —
чаровник.

Мои очи влагу пенят — жемчуг я тебе дарю:
Тот и жизнь свою не ценит, кто богатство чтить
отвык.

Смолкнет ли Хафиз, робея, муку сердца утаив,—
Рассказал стихом тебе я жизнь мою —
за мигом миг.

* * *

Любимая всех мне милей и прекрасней —
Милей всех врагов и друзей и прекрасней.

С тобою никто никогда не сравнится:
Ты роз, что цветут, пламенея, прекрасней.

Все люди болеют сердечною болью,
Но жить, не скорбя, не боля, — прекрасней.

Да бодрствует счастье, да дремлет несчастье, —
Миг счастья всего мне ценней и прекрасней.

Не любо идти мне в обитель молиться, —
Влюбиться, от страсти хмелея, — прекрасней.

Что может быть лучше лукавого взора,
Что лучше любимых кудрей и прекрасней!

Милей всех очей твои очи Хафизу:
Глаза, что таятся, темнея, прекрасней.

* * *

Мой ум — в цепях твоих кудрей: безумец, я попал
в силки,

И птицы — души всех людей летят к тебе,
как мотыльки.

Сверкая вешним родником, твои уста меня манят,
А я, как осень, желт челом, и жемчуг слёз —
как две реки.

Так страстно я не без причин желаю сладких уст
твоих:

Мне сладкоустая Ширин, настойчивый Фархад
близки.

Твоих ресниц сверкает ряд, и стрелы в душу мне
летят, —

Не так ли враг бывает смят, когда в набег спешат
полки?

Когда любовь в тебе тверда, в твоей душе —
огонь и свет, —

До дня Великого Суда твой жар и пыл твой
велики.

Мечтою о тебе объят, тебя я в сердце берегу, —
Тыится сокровенный клад в душе, разбитой
на куски.

И тоске о родинках твоих Хафиз, увы, притих и
стих, —
Но потому ли его стих совсем лишен иной тоски?

* * *

И без любимой — как в огне, мне душу жжет
страдание:
Жаркое жаркое во мне — моих невзгод
страдания.

Я душу убережь не смог от глаз той
нечестивицы, —
Пусть и гяуру б не дал рок такой же гнет
страдания!

Но я мученьям страсти рад, и людям не отдам
я их, —
Душа моя, как тайный клад, пусть сбережет
страдание.

И пусть мне избавленья нет от мук —
они желанны мне:
Мне горе — снадобье от бед, и в нем — исход
страдания!

Но я и милости достиг в моей доле
нищенской, —
Всегда придет счастливый миг: к добру ведет
страдание.

Пока живой ты — пересиль все муки своих
горестей,

А жизнь пройдет — тогда легки ль твоих забот
страдания?

Хафиз, ты — раб своей беды, а я о счастье думаю,
Хоть жаждущих живой воды всегда гнетет
страдание.

* * *

Кто солнцу твоего чела рабом безгласным станет,
Тому вселенная светла, и мир весь ясным станет.

Ты — зеркало моей души, о твоём лике светлом
Сказать мне правду разреши — мой слог
прекрасным станет.

Узрев твой несравненный вид, и кипарис
смутится —
Он испытает жгучий стыд, тебе подвластным станет.

Красою хвалится цветник, тебя затмить желая,
А ты лишь явишься — и вмиг уж он не красным
станет.

И заблуждался человек, твой рот сравнивший
с розой, —
Пусть он погрязнувшим навек в стыде ужасном
станет.

И если рот твой неземной с вином сравню я всеу,
Пусть посмеются надо мной — смех не напрасным
станет.

И ежели твои уста, губящие мне душу,
Сравню я с медом, — кто ж тогда со мной
согласным станет!

И кто, прильнув к устам твоим, живую воду вкусит,
Тот, словно Хызр, вечно живым в величье
властном станет.

Во прах перед любимой ляг, Хафиз,—
счастливым будешь:
Твой дух ко славе высших благ навек причастным
станет.

* * *

Где, виночерпий, чаши? Скорей неси вино,—
Да будет бденья наше в сто солнц озарено!

Дай мне вина — я стражду, душа исходит прочь,
Нет сил терпеть мне жажду — измучен я давно.

О милости молю я, друг страждущих гуляк,—
Той муки, что терплю я, другому не дано.

Зачем, о боже правый, жар страсти я таю?
Узрю твой взор лукавый — все сердце сожжено.

Не видеть в яви бденья мне твоего чела,—
Хотя бы в сновиденье явилось мне оно!

Молю всей страстью зова один лишь поцелуй,—
Скажи в ответ мне слово — одно, всего одно!

Хафиз, скажи мне честно: что жизнь тебе твоя?
Бесследно и безвестно пройти ей суждено!

* * *

Взор тюрчанки озорной — бедствие из бед,
Схожей с нею ни одной в мире розы нет.

И напрасные мечты — гурий с ней равнять:
Столь изящной красоты не видал весь свет.

Если б ты своим челом солнце не зажгла,
Человек его теплом не был бы согрет.

Ты по прихоти своей мечешь кость в игре,—
Сделай так, чтобы людей не коснулся вред!

В чьей душе любовь жива, тот ханже не друг:
В мужественном сердце льва лисьих нет примет.

Вольный путь меня манит из неволи прочь,
Но в пути любви горит только дальний свет.

Ты любимую, Хафиз, назван был рабом,—
Значит, в роскошь шахских риз нынче ты одет.

* * *

Какой красой смущен мой разум — земною или
неземной?
Скажи, не тою ли, что разом сравнится с солнцем и
луной?

Не той ли, что мой сон жестоко прервала
силой колдовства,
Не тою ли, что краем ока так колдовски следит
за мной?

Не тою ли неправовой, что мою веру отняла,
Не тою ли, чей взор безверный смятенью моему —
виной?

Не той ли, что в саду багряном с такою
плавностью пройдет,
Какой не ведать и фазанам в лугах, искрящихся
весной?

О перлах уст моей прекрасной ты у влюбленного
спроси, —
Лишь к тайнам жемчуга причастный, поверь,
знаком с его ценой.

Сравнится ль кто-нибудь со мною, воспевшим
сладость твоих уст, —
Мне жизнь дана их красотою, живящей душу и
хмельной.

Никто в Хорезме не сравнится с Хафизом,
спевшим тюркский стих,
Смог Санджари бы вновь явиться — и тот
сложил бы стих иной!

* * *

В садах весенней красоты нет равного тебе цветка,
Мне равного не сыщешь ты меж любящими
бедняка.

В земных лугах, куда ни глянь, очами равную
тебе —
С таким истомным взором лань я не встречал
еще пока.

Ты мой похитила покой — пронзила стрелами обид,
Вовек не видел я другой, что так же сердцем
жестока.

Желанные уста твои узреть вблизи мне не дано, —
Безгласных жертв твоей любви чужда тебе
печаль-тоска.

Все сновиденья мои вмиг похитил взор твой
колдовской, —
Нет в этом мире горемык, чья жизнь, как и моя,
горька.

Ты мое сердце пожалей — позволь пылинкою
сверкнуть
В сиянье красоты твоей, палящей землю свысока.
О, сжался и свиданья свет даруй мне волею
своей, —
Хафизу равных в мире нет: тебе он верен на века!

* * *

Слух души едва услышит только слово
от желанной —
Сердце радостью задышит, и восторг в нем —
первозданный.

И душа из бездны ада прямо в рай вознестись
рада
В час, когда моя отрада мне пришлет привет
нежданный.

Перед ней, в любви смятенный, я во прах паду,
презренный, —
Нет иной во всей вселенной мне земли
обетованной.

Ты — под стать земным владыкам, я — родня всем
горемыкам, —
Я мерцаю жалким бликом, твоим солнцем
осиянный.

Если горлицей прекрасной ты слетишь в мой дол
злосчастный,
Я взлечу, как сокол ясный, над добычею
приманной.

Не взошло б в зенит светило и вовек бы
не светило,
Если б ты не подарила ему свет свой несказанный.
Дайте тюркам из Ширази этот стих взамен наказа,
Лодный стих моего сказа — как Хафиза слог
чеканный.

* * *

Лети, ветер быстрый мой, неукротимый,
Заветное слово поведай любимой.

Скажи, что от горя согнулся я станом,
Что гибну я, жаром разлуки палимый,—

О светоче лика, кудрях ее темных
Мечтаю я днем и во тьме непрозрачной.

Скажи ей, что я о блаженстве свиданий
Мечтаю, печалью разлуки томимый.

Скажи ей: «Возрадуй надеждой беднягу,—
Ты будешь за доброе дело хвалимой!

И что же случится с тобою, всевластной,
Когда тобой будет обласкан гонимый?

Взгляни же хоть раз на Хафиза с участием,—
Умрет он от горести неизлечимой!»

* * *

Как ночь — твои кудри, а лик твой — луна,—
Не знали подобной красы времена!

И, словно бы Рум полонили войска,—
На лике чернь родинок смуглых видна.

И с розой тебя я вовек не сравню:
Не всякая роза красую красна.

Ей любо, безвинной, виновных казнить,—
Люблю я, и в этом моя вся вина!

И, если не любви ей стоны мои,
То пусть хоть немного не мучит она!

Соперника встречу, к любимой спеша,—
Увы, моя участь черна и темна.

Узнай, о не знающий доли моей:
Хафиз — раб того, кому власть суждена.

* * *

Над устами медвяными — черной родинки знак,—
Сердце мучится ранами, в нем пыл жизни иссяк.

Не поймет вопрошающий прелесть сахарных уст,—
Мне ж с мечтой, хоть и тающей, не расстаться
никак.

Сладкой речью обманною птицу сердца манят
Твои губы, желанные для влюбленных бедняг.

Взоры, в зависти злобные, да не сглазят тебя,—
Красота бесподобная да не канет во мрак!

«Люб другой ты, наверное!» — зло ты мне
говоришь,—
Ты лукава, неверная, я тебе — словно враг.

Моя доля убогая — пасть во прах пред тобой,
Жду тебя у порога я — там, где свора собак.

Ты щеками румяными мое сердце влечешь,
И слезами багряными я рыдаю, бедняк.

Нары злобного рока я уж не в силах сносить,—
Твои камни, жестокая, бьют меня что ни шаг.

Льешь ты слезы кровавые, о Хафиз, но терпи:
Ты со злой и лукавою свое сердце сопряг!

* * *

С тех пор, как родинку твою увидел я во тьме
кудрей,
Я в сердце горечь мук таю, и боль моя все
тяжелей.

Восторженно в кудрях твоих сносила плен моя
душа,
Но, как Меджнун, я, нем и тих, стал пленником
моих скорбей.

И я к мечте моей привык о твоём стане неземном,
И мое сердце каждый миг и каждый час
покорно ей.

Вся сила сердца отнята волшебной силой твоих
уст,
Но где, скажи, твои уста,— хоть слово молви,
пожалей!

Красою твоего чела был простодушно я прельщен,
И сердце ты мое взяла лукавой хитростью своей.

О, нет, ни с солнцем, ни с луной тебя вовек я
не сравню:
Светилам ведом мрак ночной, ты ж их сияния
светлей.

Лишь потому сей тюркский стих Хафиз сложил,
как сам Камаль,

Что в нем он совершенств твоих коснулся —
красоты твоей.

* * *

Силки твоих кудрей моей душе — что сад, —
Всех жертв любви твоей я превзошел стократ.

Дал тень бы надо мной твой кипарисный стан —
Я жертвой пред тобой во прахе рухнуть рад.

Ты пылом щек сожгла все родинки свои,
Чтоб твоего чела не сглазил чуждый взгляд.

Промчись же на коне, втопчи меня во прах, —
Нет выше чести мне, нет выше мне наград.

Все золото души тебе несу я в дар, —
Отвергнуть не спеши бесценный мой заклад.

Не нравится мне вкус египетских сластей, —
Мне сладость твоих уст вкуснее всех услад.

Хафиз, тебе помог в труде наставник твой,
И потому твой слог обрел и лад и склад.

* * *

В этом мире мне в беде лишь один собрат — беда,
Сокрушенному нигде друга нет и никогда.

Чтобы высказать беду, нужен верный, добрый
друг, —

Где же я того найду, кому верность не чужда?

Даже злой от добрых дел может человечным стать,
Но скажи мне — кто ж умел человечным быть
всегда?

И когда во мне цвела радость дружбы и любви,
Люди на мои дела удивлялись без стыда.

Если б мне достался дар Сулейманова ума,
И бы всех, кто зол и яр, усмирил бы без труда.

Дорог тот мне, кто скорбит, видя боль
людских обид:
Он и каплю превратит в море, где бурлит вода.

Если, о Хафиз, твой друг светлый лик откроет
вдруг,
Боль твоих сердечных мук вся исчезнет без следа.

* * *

Побывать бы мне наедине с твоей красой манящею —
Два мира бы открыли мне всю жизнь
непреходящую.

Вкуси хоть раз хмельной глоток от пыла уст
возлюбленной, —
Что же ты дружишь, одиноком, с тоской, тебя
губящею?

Твой лик напомнил мне луну, а брови —
полумесяцы, —
Два чуда дарят мне одну твою красу томящую.

Молчит влюбленный врозь с тобой, настроив саз
к свиданию, —
Как ему быть с больной душой, напевом
не звучащею?

А все же лучше боль разлук, чем радости
свидания:
Привык ценить я долю мук, союз любви крепящую.

Была б от всех утаена моя любовь к негоднице,
Когда б не мучила она меня красой дразнящею.

Хафиз по праву превознес красу своей
возлюбленной,
И словно лепестки у роз — слова его блестящие.

* * *

Ты ввергла мое сердце в плен пленительным
румянцем щек,
И, колдовством очей смятен, я кровью алою истек.
Нет, ни за что с михрабом я две твои брови
не сравню:
Двойной их знак — краса твоя, михраб — один
и одиночек.

Узрев красавицу, влюблен, я за нее и жизнь отдам:
Любовью создан свой закон, и он неумолим и строг.

Не потому ль, что с сердцем схож вид
наконечников у стрел,
Мне в сердце так жестоко плешь ты стрел
стремительный поток?

Невольник всех твоих причуд, тебе всю душу
отдал я:
Моя душа — во власти пут, на ней твоих кудрей
силочек.

Но если мне твоих кудрей, увы, коснуться не дано,
Зачем же — для каких затей — столь долгоднейшей
жизни срок?

И если ниже письма Хафиза о локонах твоих,
Бумага вся черным-черна от черной вязи его строк.

О тебе я всей душой скорблю, тайну тайн храня
в своей груди, —
«Можно ль моей тайне, — я молю, — быть тебе
подвластной, Ширази?»

О Хафиз, ты — как Багдадский Вор, о любви
поешь ты с давних пор,
Но тебя заморозил, хитер, чародей опасный —
Ширази!

* * *

Когда любимая придет, мне в душу тишь и лад
приходят,
И с ней — лекарство от невзгод и от былых утрат
приходит.

Придет — и я, томясь в тиши, готов пожертвовать
ей душу:
Ко мне, лишенному души, душа опять назад
приходит.

Безумен, вьюсь в мученьях я, как локоны моей
желанной,
Но дева райская моя унять в душе разлад приходит.

Глухую хижину мою она сияньем озаряет,
Как будто в гости к соловью весна и вешний сад
приходят.

В саду разлуки — ни следа когда-то пышного
цветенья,
Но вдруг мой кипарис туда, где были тлен и хлад,
приходит.

Не освещен ее челом, мне даже пир, увы, —
не в радость, —

Она, как светоч, в мрачный дом, который тьмой
объят, приходит.

Когда томлюсь я, чуть живой, во тьме
губительной разлуки,
Она ко мне живой водой, что слаще всех услад,
приходит.

Рыдаю я и день и ночь и жду любимую напрасно,
Хочу рыданья превозмочь, но слезы вновь стократ
приходят.

В груди, истерзанной от ран, Хафиз, твое
страдает сердце,
Но мой целитель, мой султан, которому я рад,
приходит.

* * *

Когда творец предвечных сил творил черты
вселенной,
Он на скрижали наносил твой лик, вовек
нетленный,

И кто, кроме него, бы смог создать твой стан
изящный:
Он очинил, как волосок, калям свой вдохновенный.

А родинок твоих зерно создать на алом лике
Лишь амбре с мускусом дано на розе
пышно-пенной.

И, чтобы каждый завиток твоих кудрей был виден,
Понадобился гребешок для их копны смятенной.

Твои медвяные уста томят все души жаждой, —
В них вся душа твоя влита, в них дар твой
сокровенный.

От жажды высох мой язык — не в силах молвить
слова, —

О, где твои уста — родник живой воды бесценной?

И не захочет взгляд ничей смотреть на винный
кубок, —

Истомный взор твоих очей дарует хмель
мгновенный.

О виночерпий, начинай свой пир под звуки
песен, —

Да будут звонки чанг и най, а песнь —
проникновенной!

Хафиз, твой этот стих литой -- во славу
уст-рубинов, —

Течет, журча, живой водой твой стих
неизреченный.

* * *

Бываю радостным и я — мне чаровницы лестно
слово, —

Про сад родной для соловья всегда звучит
чудесно слово.

Мне люб веселых песен звук, едва твой лик
румяный вижу, —

Люб певчей птице вешний луг — поет о нем
прелестно слово.

Любовь своей игрою злой мне сердце на куски
разбила,
И, злое, ранит, как стрелой,— духовно и
телесно — слово.

И при любимой не предам соперника на посмеянье:
Где роза расцветает, там о терне неуместно слово.

Весть о свидании — добра, и сердце ждет ее
с тоскою,—

Нет сердцу лучшего добра, но вести той —
безвестно слово!

Я от возлюбленной далек, и тягостен мне дол
скитаний,

Но о любимой, видит бог, мое не бессловесно слово.

И я, невольный пленник бед, влачу любви моей
неволю,

И вольного во мне уж нет — я всё поведал
честно — слово.

И сердце бы в пучину мук вовек не кануло
безвестно,

Когда бы о спасенье вдруг мне стало бы известно
слово.

Любовью истинной влеком, Хафиз не превратится
в небыль,

И станет ведомо о нем повсюду, повсеместно слово.

РУБАИ

* * *

Само светило на твой лик летит, как мотылек,
Все ангелы в единый миг падут у твоих ног.
Я ж о рубинах твоих уст осмелился спросить, —
Казни, владыка всех владык, меня за мой намек!

* * *

Нет, не жалеет меня та, чье сердце — как булат:
Жестокость ее глаз крута, они меня казнят.
Влюбленный за твои уста и жизнь отдать готов:
Пусть его жизнь и отпята, был смел он,
как Фархад.

* * *

Чье сердце ноет, словно от ожога,
В душе его — и мука, и тревога.
Но вот что меня тешит хоть немного:
Что ни случится — всё во власти бога.

* * *

Когда любовь мне сердце жжет всё боле,
В нем боль — одна, другой уж нету боли.
У этой боли вся душа в неволе,
И в той неволе — радость вольной доли.

* * *

Недобрый человек — душе не друг,
Соленых почв не терпит вешний луг.
Кто полюбил, а не изведал мук, —
Увы, неизлечим его недуг.

* * *

Пока на свете быть устам медовым,
Не распростится мир со сладким словом.
Сад, оглашенный соловьиным зовом,
Для всех влюбленных будет вечно новым.

К Ы Т Ъ А

* * *

Благого мудреца я ученик,
В науке слов он, как никто, велик.

Оплошности искать в моих стихах?
Забудь об этом сразу — в тот же миг.

В моих писаньях нет негожих слов:
Как ни ищи — ты не найдешь улик.

Бывает, что калям допустит грех,
Но это лишь — на солнце жалкий блик.

Найдешь огрех — не льстись: и у луны
В урочный час, увы, ущербен лик.

* * *

Во мне, как будто жизни нить, — еить мыслей,
дум клубок,
Уместно с Каф-горой сравнить мощь моих тонких
строк.

Себя я Хызром назову, — и в этом что за стыд?
Во мне таится наяву живой воды исток.

И в землях тюркской стороны дано пророку быть:
Стихи мои чудес полны, — возвестник я, пророк!

* * *

Пред тюрками, Хафиз, во прахе ляг,
Чтобы твое всех покорило слово.

Коней словес гони, ускорь их шаг,
Сил не жалея, — да крепнет сила слова!

Пусть купит перлы слов твоих бедняк,
Чтоб и ему доступно было слово.

И если ты стихам желасшь благ,
Пусть каждый стих горит от пыла слова.

Жаль, если к тюркам Чина бы никак
Твое, увы, не доходило слово!

* * *

Сокровищница слов — ценнейший клад,
И, хоть в нем перлы редкие таятся,

Молчанье лучше всех речей стократ,
Сколь бы цветисто нам ни изъясняться!

Пусть в твоём сердце — камень иль булат,
А вовремя смолчишь — они смягчатся.

А если слово молвишь невпопад,
Как бы тебе потом не огорчаться!

Те, что в речах хвастливостью грешат,
Потом, Хафиз, в безвестности влачатся.

* * *

Достойному надёжным другом будь,
И добрых чувств для друга не жалея,

Когда ж его обидишь чем-нибудь,
Раскайся всей душою поскорей.

На зеркало один лишь раз дохнуть —
Оно стократ становится светлей.

Кто не чванлив, тот ищет верный путь,
И среди всех владык он — всех сильней.

Будь даже шах ты — не гордись ничуть:
Всем путь к могиле — каждому к своей!

* * *

Влюбленный! Гнет соперников суров, —
Извечный спутник страсти — боль обид.

Искатель клада — как бы змеелов:
Всегда есть змеи там, где клад зарыт.

В садах печальны стоны соловьев:
Нет розы, что шипом не уязвит.

* * *

Чуждайся зла и к доброте стремись:
Порочному не избежать стыда.

С дурными лучше вовсе не сойтись:
Достойному природа их чужда.

Принизившийся вознесется ввысь:
Себя не чтущих бог почитит всегда.

Где капли вешней влаги пролились,
Там обернется жемчугом вода.

Хафиз, всегда с достойными водись:
Добра прививка — сладок вкус плода!

* * *

Не диво, что стремлюсь я в край родной:
Ведь родина, как жизнь, душе близка.

Прольют на море дождик проливной,
Из моря же взяв воду, облака.

Кто с перлами знаком и с их ценой,
Того влечет в глубины рудника.

Везир — на высшей службе должностной,
А всё ж в семью его манит тоска.

И соколу милее дол степной,
А не почет и шахская рука!

* * *

Не доверяй приятелям дурным,
Что дружат с твоим лютым супостатом.

Потворствующий недругам твоим
Не станет тебе другом и собратом.

Где пастырь волку — словно побратим,
Спасенья нет ни овцам, ни ягнятам.

* * *

Не дай взыграть в себе негодованью,
Кто б из людей ни стал тому причиной.

Достойнее быть мускусною ланью,
Чем хвастаться повадкою тигриной.

Стремись к согласью, верен будь старанью
Не подступаться к людям с грозной миной.

* * *

Кто искренен всегда, тот почитаем, —
Его достойной почестью отметить.

В достойном нету сходства с негодяем,
И золотом вовек не станет медь.

И если в ком мы подлеца узнаем,
То лучше с ним и дела не иметь!

* * *

Быть хочешь умным — прихоти забудь:
Все прихоти — ничтожная забава.

Уж если жить мечтой какой-нибудь, —
Мечтай найти покой душевный, право!

У всех мирских забот — пустая суть:
Всё в этом мире суетно, лукаво.

Нам всем дано последним сном уснуть, —
О, если б добрая нас ожидала слава!

КАСЫДА

* * *

От всех людей уединясь, о людях мысля, нелюдим,
Прозри очами сердца связь между грядущим и
былым.

Кто, пламенем любви объят, кого огнем сжигает
страсть,
Он — свет души познал стократ, пыланием любви
палим.

И, кто объят любовью, в нем воспламеняется
душа,—
И вьется, смешанный с огнем, его стенаний жгучих
дым.

Ищи же путь любви — зови ее и телом и душой:
Дух человеческий в любви идет к свершениям
своим.

Когда во прахе, нищ и наг, ты путь исканий
обретешь,
Дары неизреченных благ тебе даются всеблагим.

Хмель единенья уготовь себе, о ищущий любви,—
Порви всю грудь, пролей всю кровь за светоч,
что тобой любимы.

И пусть же слёз кровавых след на желтый лик
твой упадет:

Красив рубина красный цвет, оправлен блеском
золотым.

Один, с собой наедине, о мудрый, чуждое забудь,—
Сколь дивный солнцу и луне дар одиночества
дарим!

Восторженно свой лик земной багряным светом
озари,—
Недаром куши роз весной цветут багрянцем
неземным.

Сотри всю ржавчину и муть с зеркала сердца
своего —
И сокровенной тайны суть откроется очам твоим.
И верный и неверный — все да внемлют радостно
тебе,
И речь твоя во всей красе да будет слышима
любим.

С неволей, как Юсуф, знаком, в темнице людям
свет яви,—
Тобою в кладезе мирском да будет скрытый смысл
танм.

В уединенный дол спешь — лишь там приют твоей
души,—
Да будешь в благостной тиши ты Единением
храним!

Свободен от оков тщеты, господней милости
взыскауй,—
Одобренный всевышним, ты предстанешь гостем
перед ним.

Опора страждущих сердец и сострадатель бедных
душ,
Ко всем всемилостив творец — ко всем голодным и
нагим.

Лишь тот промолвит «Я есмь бог», кому открыт
предвечный знак,
Он на печаль себя обрек и высшей скорбью
одержим.

В лохмотьях, словно нищий люд, порой мужи ума
бредут,
Но в странах разуменья бьют все барабаны
славу им.

И даже муравей больной за рвенье будет
награжден
Всей Сулеймановой казной и станет цел и
невредим.

Когда господни существа все будут призваны
на пир,
Не будет ближе там родства, чем муравей и
херувим.

Ты спросишь, через сколько лет настанет в мире
этот лад, —
«Во веки вечные, — в ответ скажу я, —
он необорим!»

Когда бы воле божьих уст слух всей вселенной
не внимал,
Весь мир застыл бы, гол и пуст, в нем жизни
не было б живым.

Смысл сокровенный утаен в том имени — всей
сути тайн, —
Оно превыше всех имен, и смысл его неизъясним.
И белоснежный свет чела, и пламенем горящий
лик —
Вот тайна, огненно-светла, — двойное, слитое
с одним.
И если, видя дивный лик, я изумлен, — нет дива
в том:
Свет истины красой велик, для взора он
непостижим.
Влюбленные, как соловьи, стенают, видя
этот лик, —
Им сад Единства — в бытии явлен, неведомый
другим.
Во прах паду я головой, узрев врата в заветный
сад, —
Он — сладостней воды живой для тех, кто мертв
и недвижим.
Кто телом и душой готов стезю покорности искать,
Тому неведом гнет оков, что для других неодолим.
Стези смиренья смысл и суть открыты сердцу
моему, —
Лишь дьяволу неведом путь к тому, кто верными
хвалим.
Под сенью благодатных щедрот найдет прибежище
душа,
И дух мой власть приобретет над телом немощным
моим.

ТАРДЖИБАНД

Шахиня о рабе и не вспомянет,
На преданного друга и не глянет!

И, видно, ждал я верности напрасно:
Душа от муки, верно, в небыль канет.

Стан ее строен, а меня расстроил:
Придет ли миг, что мне спасеньем станет?

У пери стан такой, что и до смерти
Она терзать меня не перестанет.

Молитесь за меня — уже не рано:
Бровей лукавых луки меня ранят.

Твоей красою солнце занялося,
И лунный свет не у тебя ли занят?

Как ни бранишь ты — сердце тебе верно
И о тебе молиться не устанет.

И сколько б в мире ни было красивых,
Твоя лишь красота Хафиза манит.

И соловей, среди ветвей поющий,
Пусть эту песню звонкую затянет:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,
Одной любовью жив любой живущий!»

Из-за кудрей твоих — мой чадный стон,
Черна от дыма вязь моих писем.

Увижу я извивы твоих кос —
Согбенный стан мой долу преклонен.

Безгласный раб, во всем виновен я,
И грех мой в том, что я в тебя влюблен.

С тобою не сравниться никому:
Все — сорняки, лишь ты одна — бутон.

Любимой в сердце путь — через глаза, —
Тот путь издежно сердцем охранен.

В твоих очах — пристанище беды,
Весь мир твоим коварством разорен.

Любимой и неведомо о том,
Что пыл любви сильнее всех пламен.

Над пешками всегда властитель — шах, —
В игре любви, Хафиз, — таков закон.

Речь о твоих достоинствах долга,
И мой припев да будет сокращен:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей, —
Одной любовью жив любой живущий!»

Твой лик — луна, светящая с высот,
Ты — роза роз, другие все — осот.

Тюльпан с тобой сравниться захотел, —
Печален был затен той исход.

И с розою сравнить твой облик — грех:
Что за пример — в нем все слова вразброд!

И среди всех, кто и красив и мил,
Ты — шах, другие — подданный народ.

Мой жаркий стон всю душу мне обжег,
Мой страстный пыл дотла меня сожжет.

Коварен твоих черных кос извив, —
Не так ли стан мой скручен от невзгод?

Кем взято твое сердце, о Хафиз?
Не тою ли, чей взор тебя гнетет?

На суд любви я страсть мою принес,
И бог — свидетель мой, он все поймет.

Петь о любви иное — просто грех, —
Я помню все слова наперечет:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей, —
Одной любовью жив любой живущий!»

Как кипарис, стройна ты, прямостанна,
И всё в тебе и ладно и желанно.

Ты красотой своей меня пленила,
И я в мечтах — с тобою непрестанно.

Твоя любовь безжалостна, как сокол,
Моя ж душа, как жертва, бездыханна.

Но я в когтях любви не беззащитен:
Любимая добра ко мне безгранно.

Душа моя пылает жаром страсти,
Слова любви твержу я безустанно.

Я — подневольный раб своей же тайны:
Ей любо меня мучить невозбранно.

Меня ты мучишь хитро и лукаво, —
Вняла бы ты мольбе моей нежданно!

Тебе бы стать Аязом при Махмуде,—
И ты, Хафиз, был рад бы несказанно.

Обрести бы сердцу счастье встречи с розой,—
Одна лишь песня мне была б желанна:

«Любовь — и смысл и цель всей сути вещей,—
Одной любовью жив любой живущий!»

Жив лишь одною пищей бед влюбленный,—
Печален счет твоих примет, влюбленный!

Пылаешь ты, как для гостей жаровня,—
Беда — твой гость и твой сосед, влюбленный.

Не диво, что ты горечь слез глотаешь:
Усладной пищи тебе нет, влюбленный.

Со сворой псов у милого порога
Встречает стоном свой рассвет влюбленный.

В садах красы ты — кипарис прекрасный,—
Твоим сияньем обогрет влюбленный.

Во прахе пав у твоего порога,
Слезами оросит твой след влюбленный.

Внемли же мне, послушай это слово,—
Тебе — наказ в нем и совет, влюбленный.

Ты обретешь, Хафиз, и свет и счастье,—
Порукою тому — весь свет влюбленный.

Всем истомленным — это мое слово,
Вот тебе кыне мой завет, влюбленный:

«Любовь — и смысл и цель всей сути вещей,—
Одной любовью жив любой живущий!»

Не кыбла ли в тебе воплощена?
Где светит лик твой, там мертва луна.

Но чистота зеркального чела
Не стоном ли моим замутнена?

Михрабы все склонились пред тобой:
Тьмой Судной ночи бровь твоя темна.

Душа — в оковах локонов твоих, —
Во благо мне неволя ей дана.

Мой чадный стон — как вязь твоих кудрей, —
В бездонной бездне мук не видно дна.

Стенаю я, горя в огне любви, —
Больное сердце ноет, как струна.

Когда из уст твоих польется речь,
Вся быль и небыль разом в ней видна.

Но ты, Хафиз, увидишь милый лик, —
Тебе судьба благая суждена.

С тех пор, как в мире слово рождено,
Не к сердцу ль эта речь обращена:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей, —
Одной любовью жив любой живущий!»

Краса моей возлюбленной прелестна,
Лукавство ее хитростей чудесно:

Румянцем щек приманит да обманет, —
Присуще ей обманывать бесчестно.

С ее красою солнцу не сравниться:
Зайдет — и нет его в стране небесной.

Уста ее хвалю, а как найти их?
Но есть они — их речь не бессловесна!

И если милых уст совсем не видно,
Зачем же мне печаль по ним известна!

Я нынче у дверей ее не плакал,—
Болела голова, скажу я честно.

Безлестно она прочит мне разлуку,
Но с нею быть в мечтах всегда мне лестно.

Ты пред такой красой лишишься речи
И пропадешь, Хафиз, увы, безвестно.

В устах влюбленных, знавших боль и горе,
Такая речь правдива и уместна:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,—
Одной любовью жив любой живущий!»

Лучи твоей красоты лишь заблестят —
И солнце вмиг уходит на закат.

А родинка на розовом челе —
То не Биляль вошел ли в райский сад?

Как ни зову тебя — ответа нет,—
Что за причина, в чем я виноват?

Кровав от муки слез моих поток,—
Тебе бедой он не был бы чреват!

Мечтая, стал и сам я — как мечта:
Неуловим, на части я разъят.

Я в небыль превратился от любви,—
Лишь ты в моей душе да боль утрат.

Я к твоему порогу припаду,—
Лишь там я жив, лишь там я жизни рад.

Обманешь ты Хафиза, не мани:
Ты манишь, а глаза твои хитрят.

Но всей душой я повторю стократ
Заветный стих, что слаще всех услад:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей,
Одной любовью жив любой живущий!»

Твой облик, красотой столь совершенный, —
Творение десницы вдохновенной.

Едва свой лик и очи ты откроешь —
Уходит солище на закат смятенно.

Чело твое и брови — словно в небе
Два месяца с луной одновременно!

А родинок смутительные зёрна
Смущают сердце смутой дерзновенной.

Ты — сам тюльпан с губами-лепестками,
Молчащими о тайне сокровенной.

И, если ее стан вы не видали,
На кипарис взгляните несравненный.

Уста ее и губы лишь представьте,
Поймите слог речей проникновенный.

Хафиз — в оковах локонов любимой,
Подавлен и смирен неволей пленной.

И если звучное вам любо слово,
Услышите этот мой напев смиренный:

«Любовь — и смысл и цель всей сути сущей, —
Одной любовью жив любой живущий!»

МУХАММАС

Твой медвяные уста и сладки и всевластны,
Ты молвишь слово — сколь чиста суть речи
сладкогласной.

Сколь совершенны красота и облик твой
прекрасный!

Мой кипарис, моя мечта, я сердцем — в муке
страстной,

Вся сила сердца отнята тобою — розой красной.

Всех кипарисов ты стройней, устами ты румяна,
Нет лучше красоты твоей, и нет красивей стана.
Есть для тебя в душе моей цветущая поляна,
Я млею, словно соловей, а ты, как роза, рдяна, —
О, не губи же, пожалей, души моей несчастной!

О, снизойди же хоть на миг к моей несчастной
доле,

Ты выше всех земных владык, а я томлюсь
в неволе.

Безумный, я совсем поник, и нет уж силы боле,
Едва увижу я твой лик — и вмиг лишаюсь воли.
Из глаз моих течет родник, а в теле —
жар ужасный.

О, смилуйся, мой добрый друг, и сердце мне
порадуй,

Освободи из плена мук и стань моей отрадой.

Не одолеть мне гнет разлук, как сердцем
ни досадуи,—
К кому ж еще, кто есть вокруг, пойду я
за пощадои?
Не растравляй же мой недуг ты мукой ежечасной.

Кто еще в мире наделен челом, таким же томным?
Твоей красою посрамлен, лик солнца станет
темным!
Внемли, услышь мой горький стон,— я в горе
неуёмном.
О, смилуйся — сколь жалок он! — над бедняком
бездомным,—
Тебе — мой преданный поклон и воле твоей
властной.

Налей же мне вина скорей — подай мне кубок
пенный,—
Дождусь я от гуляк-друзей себе хвалы отменной!
Что тебе стоит — стань добрей, ведь я твой раб
презренный,
Хотя бы взором обогрей,— прошу с мольбой
смирной,—
Ведь счастье — у твоих двсрей: оно — твой раб
безгласный.

Благоуханием тенет твоих кудрей прельщенный,
Весенний ветер переймет их запах благовонный!
Доколе быть в плену невзгод моей душе
смущенной?
Дождется ли твоих щедрот твой преданный
влюбленный?
Узнает радость и почет лишь раб, тебе
подвластный.

Тебя увидел я — и вдруг душа пронзилась светом,
И сердце, словно вешний луг, зардело ярким
цветом.

Не будь врагом мне, я — твой друг, — почти
меня приветом,
К твоим дверям я ношу мук принес, гоним
наветом, —

Прими ж вернейшего из слуг, не будь же
безучастной.

Кто на тебя еще похож повадкою лукавой, —
Ты всех на свете превзойдешь и красотой и славой.
Все за тебя готовы сплошь и смерть считать
забавой.

Страдать Хафизу невтерпеж, — помилуй,
боже правый!
Ужели ты не снизойдешь к судьбе моей
злосчастной!

МУСТАЗАДЫ

Темноокая да прекрасная,
Ты меня пожалей, молю,
Не гони же, немли, жду страстно я,
Стань верней и добрей, молю.

Позабудь притворство лукавое, —
Хоть бы раз на тебя взглянуть!
О, не будь же злой, безучастною
И приди поскорей, молю.

Ты для жертв твоих, луноликая,
Выше самых святых святынь, —
«Выйди, стройная, выйди, властная!» —
У твоих я дверей молю.

Где ж уста твои животворные, —
Лишь они мне даруют жизнь.
Приоткрой уста твои красные —
Мое горе развеи, молю.

По устам, краше роз пылающим,
Лью я реки кровавых слез.
Пусть для сердца бедой всечасною
Будут кольца кудрей, молю.

Кипарисы тебе завидуют,
О владычица красоты,
Розы меркнут в стыде, безгласные, —
Им и мне порадей, молю.

Кипарис мой, взгляни хоть искоса,
Вечной жизни пошли мне дар,
Ну, а если мольбы — напрасные, —
Ты Хафиза убей, молю.

Моей любимой слово, хоть и звучит медово,
А душу всю проймет,
А поглядит сурово, безбожно да бедово —
Готова сеть тенет.

Пленяя стройным станом, томя истомным взором,
Она к себе манит,
Дразня челом румяным, приворожит любого,
Любого завлечет.

Влюбленные, покорны ей, алой, словно роза,
Поют, как соловьи,
А кудри — ворон черный, дар тайны всеблагого,
Ниспосланный с высот.

И при едином взгляде на стан ее прекрасный
Я реки слез пролью, —
В их отражаясь глади, она цветет пунцово —
Красою роз цветет.

Как я узреть хотел их — твои уста-рубины,
Что краше вешних роз:
Ведь перлы зубок белых — один ценней другого —
Скрывает алый рот.

Хвалю я упоенно ее чело и кудри,
И в этом дива нет:
И день и ночь бессонно душа, к любви готова,
Хвалу им воздает.

Мечтай о несравнимой — о той, что всех
прекрасней, —
Мечтай о ней, Хафиз, —
Ведь красота любимой — об этом мое слово —
Превыше всех красот!

КОММЕНТАРИИ

- «Алиф» — начальная буква в арабском алфавите.
Бейт — двустишие.
Бияль — легендарный чернокожий слуга пророка; в стихах Хафиза родника уподобляется темному цвету кожи.
Газель (газаль) — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами, связанными одной рифмой.
Диван — собрание стихов.
Зуннар — пояс, который носили христиане, подданные мусульманских правителей. Надеть зуннар означало отречься от ислама.
Ибрагим (библ. Абрам) — по преданию, вошел в огромный пылающий костер, который тут же превратился в цветущий алыми розами сад.
Иса (Иисус Христос) — причисляется к числу великих пророков.
Калям (калам) — тростниковое перо.
Касыда — торжественная (парадная) ода. Один из распространенных жанров восточной поэзии.
Кыт'я — афористическое стихотворение, в котором поэт обычно описывал события, выражал затаенные мысли, жаловался на судьбу и т. д.
Лейли и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь оканчивалась трагедией. Этим героям посвящены поэмы Низами, Навои, Физули.
Лукман — легендарный врач и мудрец, якобы проживший 4400 лет благодаря лекарственным травам, которые ему удалось открыть.
«Лям» — в арабской письменности эта буква в сочетании с буквой «алиф» образует начальное слово символа веры мусульман: «Нет бога, кроме бога...»
Мансур (858—922) — историческое лицо, еретик, казненный за богохульство.
«Мим» — буква арабского алфавита, имеет в верхней части кружочек, напоминающий уста.
Михраб — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке, священному городу мусульман.

- Мустазад — форма народной и классической восточной поэзии со сложным размером.
- Мухаммас — форма восточной поэзии, пятистишия.
- Най — музыкальный инструмент, флейта.
- «Нуи» — буква арабского алфавита, имеет форму дуги.
- Пери — волшебница, фея.
- Рейхан (райхан) — душистая трава базилики.
- Рубаи — форма лирической восточной поэзии, четверостишие, в котором рифмуют первую, вторую и четвертую строки.
- Рум — Византия; в древней поэзии иногда так называли всю Малую Азию.
- Саз — струнный музыкальный инструмент.
- Сулейман (библ. Соломон) — мудрый повелитель людей и стихий; символ могущества и справедливости.
- Суфий — последователь суфизма, мистической философии ислама, возникшей в IX веке.
- Тарджибанд — форма восточной поэзии. Каждая строфа состоит из бейтов. В конце строфы повторяется один бейт, который и по смыслу должен быть связан с ней.
- Уд — музыкальный инструмент.
- Фархад и Ширин — герои популярных поэм Низами, Амира Хосрова и Алишера Навои.
- Хафиз — псевдоним Хафиза Хорезми, совпадающий с таковым же у известного персидско-таджикского поэта (XIV в.); певец, поэт; в нарицательном смысле означает «чтец корана».
- Хызр — чудотворец, хранитель источника живой воды.
- Ходжент — ныне г. Ленинабад в Таджикистане.
- Хосров — имя нескольких иранских царей из династии Сасанидов.
- Хумаюн (Хумай) — волшебная птица. Тот, на кого падала ее тень, якобы становился властелином.
- Чапг — струнный ударный музыкальный инструмент.
- Чин — Китай.
- Човган — клюшка для игры в конное поло; название самой игры.
- Юсуф (Юсуп, библ. Иосиф Прекрасный) — герой поэтических произведений Востока.

СОДЕРЖАНИЕ

Хафиз Хорезми. Предисловие	3
Х. Сулеймана	5
Газели	116
Рубаи	118
Кытѣа	123
Касыда	129
Тарджибанд	136
Мухаммас	139
Мустазады	141
Комментарии	

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

Миниатюры, данные в книге, взяты из художественных рукописей XV—XVI веков, написанных в Герате и Бухаре.

- Садовые работы.
- Встреча гостей.
- Пиршество.
- Приезд возлюбленной.
- Трапеза в беседке.
- На женской половине.
- На обложке — влюбленный у ног возлюбленной.
- На фронтисписе — предполагаемый портрет Хафиза Хорезми. Художник Рейхет В. И.

Избранная лирика Востока

ХАФИЗ ХОРЕЗМИ

Избранное

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1981

X 79

Хорезми Хафиз.

Избранное. Редкол.: Джаббаров Д. Д. и [др.]; Пер. С. Иванов.— Т.: Изд. ЦК Компартии Узбекистана, 1981.— 144 с., ил.— (Избранная лирика Востока.)

В надзаг.: АН УзССР. Ин-т рукописей им. Х. С. Сулейманова.

Уз1

Техредактор Г. Ломиворотова

Корректор А. Никитина

Сдано в набор 25.02.81. Подписано в печать 27.05.81
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага № 2 Гарнитура «Новая газетная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,26+7 вкл. Уч. изд. л. 4,12. Уч. н/отт 8,83. Тираж 190 000. Заказ № 414.
Цена на мелованной бумаге — 75 коп.,
на типографской бумаге — 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК Компартии Узбекистана,
Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

65к.